

VAST ACTIVE LIVING INTELLIGENCE SYSTEM

ФИЛИП К. ДИК

ВАЛИС

**PHILIP
K. DICK**

Филип Киндред Дик
Валис
Серия «Валис», книга 1
Серия «Филип К. Дик.
Электрические сны»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121946
Валис / Филип К. Дик: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-113271-2

Аннотация

Первая из трех последних книг Дика, которая относится к научной фантастике условно, только из-за отсутствия лучшей жанровой категории.

Место действия – наш мир и наше время. Главный герой полуавтобиографического романа, прозрачно укрытый псевдонимом Толстяк Лошадник, оказывается втянутым в теологические поиски после того, как получает божественное откровение во вспышке розового лазерного луча.

От онкологического отделения больницы в районе Залива до ранчо харизматичного религиозного деятеля, который, возможно, имеет прямую связь с Богом, Дик ведет нас извилистыми путями

гнозиса, веры, смешанной с его собственной причудливой и неотразимой философией.

Итоговый роман Филипа К. Дика позволяет взглянуть на природу сознания и божественности глазами писателя-фантаста.

Содержание

1	6
2	21
3	42
4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Филип К. Дик

Валис

*Расселу Галену – ты показал мне истинный
путь*

ВАЛИС (аббревиатура: Всеобъемлющая активная логическая интеллектуальная система, из американского фильма) – возмущение в поле реальности, в котором формируется спонтанный самоуправляемый негентронический вихрь, самопроизвольно переводящий свою среду в категоризированную информацию. Характеризуется наличием псевдосознания, цели, разума, роста и строгой дисциплины.

Большой Советский словарь, шестое издание, 1992 г.

Нервный срыв у Толстяка-Лошадника начался в тот день, когда ему позвонила Глория и спросила, нет ли у него нембутала. Он спросил, зачем ей нембутал, и она ответила, что хочет себя убить. В поисках нембутала она звонила всем знакомым и собрала почти пятьдесят таблеток – а ей требовалось штук на тридцать-сорок больше, чтобы уж наверняка.

Толстяк-Лошадник сразу решил, что так она просит помощи. Толстяк вообще многие годы пребывал в заблуждении, будто способен помочь людям. Его психиатр как-то дал ему два совета: завязать с наркотиками (чего он не сделал) и бросить попытки помочь людям (он по-прежнему пытался помочь людям).

Нембутала у него не было, как не было и никакого иного снотворного. Толстяк никогда не принимал снотворное; он принимал апперы¹. И просто не мог дать Глории нембутал, чтобы та с собой покончила. Да и в любом случае так не поступил бы.

– У меня есть десять таблеток, – солгал он.

Потому что, скажи он правду, Глория повесила бы трубку.

– Я к тебе подъеду, – ответила Глория совершенно естественным голосом, тем же самым спокойным, рациональным

¹ Жаргонное название препаратов группы амфетаминов. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчиков.)

тоном, каким просила небутал.

Тогда Толстяк понял, что она не хочет помощи; она действительно хочет умереть. Глория совершенно свихнулась. Будь она в своем уме, поняла бы, что подобное намерение надо скрывать, иначе друг будет чувствовать себя виноватым. Только желая ее смерти, можно согласиться на такое. А желать ее смерти у него причин не было. Да и ни у кого не было – Глория была тихая и мягкая, только кислоткой чересчур увлекалась. Совершенно ясно, что за полгода, которые они не виделись, наркотики полностью выжгли ей мозги.

– Ты чем занималась? – спросил Толстяк.

– Меня держали в больнице в Сан-Франциско – я хотела покончить с собой, и моя мать меня заложила. Выписали только на прошлой неделе.

– Ты вылечилась? – спросил он.

– Да.

Тогда-то Толстяк и начал сходить с ума. В то время он этого не знал, но его втянули в отвратительную психологическую игру. Выхода не было. Глория Кнудсон уничтожила собственные мозги, а вместе с ними и своего друга. Возможно, подобными разговорами она уничтожила еще шесть или семь своих друзей, тех, кто ее любил; бесспорно, она уничтожила мать и отца. В безмятежно звучащем голосе Толстяк слышал нотки нигилизма, отзвук пустоты.

Тогда он еще не знал, что стремление сойти с ума – порой вполне адекватная реакция на реальность. Его заразила ра-

циональная просьба Глории дать ей умереть. Получилось как в китайской игре-ловушке – чем сильнее тянешь, тем труднее вытащить палец.

– Ты сейчас где? – спросил Толстяк.

– В Модесто. У стариков.

Толстяк жил в округе Марин; стало быть, ей ехать несколько часов. Он вряд ли поехал бы в такую даль. Еще одно доказательство безумия: по три часа туда и обратно ради десятка таблеток нембутала. Рационально выполнить свое нерациональное решение Глория не могла. «Спасибо, Тим Лири², – подумал Толстяк. – Тебе и твоим радостям расширенного – благодаря наркотикам – сознания».

Он не знал, что под вопросом его собственная жизнь. Дело было в 1971-м. А в 1972-м в Ванкувере, в Канаде, одинокий, бедный и напуганный, Толстяк попытается покончить с собой. Сейчас он ни о чем подобном не догадывался. И хотел лишь одного – заманить Глорию в округ Марин и помочь ей. Благодарение Господу, мы способны забывать. В 1976-м, свихнувшись от горя, Толстяк-Лошадник перережет себе вену на запястье, примет сорок девять таблеток дигиталиса и запрется в гараже, в машине с работающим двигателем – и все равно ничего не выйдет. У тела есть силы, неподвластные разуму.

² Тимоти Лири – профессор Гарвардского университета, автор книг с названиями вроде «Психоделический опыт». Один из его призывов гласил: «Проглоти, настройся, отрубись».

Вот разум Глории контролировал тело полностью; она была *рационально* безумна.

В большинстве случаев безумие можно установить по эксцентричным выходкам и театральным эффектам. Человек надевает на голову кастрюлю, оборачивается баннным полотенцем, размалевывает тело фиолетовой краской и отправляется на прогулку. Глория же была спокойнее и невозмутимее обычного. Вежлива, цивилизованна. Живи она в Древнем Риме или Японии, никто бы ничего не заметил. Даже ее манера водить машину не изменилась – Глория исправно останавливалась на каждом светофоре и за время всей поездки за десятью таблетками нембутала ни разу не превысила скорости.

Я – Толстяк-Лошадник, однако пишу эти записки от третьего лица ради того, чтобы добиться столь необходимой объективности. Я не любил Глорию Кнудсон, но она мне нравилась. В Беркли они с мужем давали изысканные вечеринки, и мы с женой неизменно бывали в числе приглашенных. Глория часами готовила крохотные сэндвичи и к тому же подавала к столу самые разнообразные вина. Она со вкусом одевалась и всегда выглядела очень привлекательно – особенно мне нравились коротко стриженные соломенные кудряшки.

Как бы то ни было, у Толстяка-Лошадника не нашлось для нее нембутала, и спустя неделю Глория выбросилась из окна одиннадцатого этажа Шинанон-билдинг в Окленде, штат Ка-

лифорния, и разбилась в лепешку о мостовую бульвара Макартура, а Толстяк-Лошадник продолжил свое тайное, долгое падение в страдание и болезнь, в тот хаос, который, по словам астрофизиков, ожидает нашу Вселенную.

Толстяк в этом опередил и свое время, и саму Вселенную. Постепенно он забыл, что послужило толчком к его падению в энтропию; Господь милостиво закрывает для нас не только будущее, но и прошлое. После известия о самоубийстве Глории Толстяк в течение двух месяцев рыдал, смотрел телевизор и долбился наркотой; его мозги уже тогда поехали, но Толстяк еще не знал об этом. Безгранична милость Божия.

Собственно говоря, годом раньше Толстяк потерял жену, которая тоже свихнулась. Это было как чума, и никто не мог понять, только ли в наркотиках дело. Те годы – с шестидесятого по семидесятый – в Америке, а особенно в Северной Калифорнии, в районе Залива³, были совсем паршивые. Как ни досадно, но это факт, и самые причудливые термины и замысловатые теории его не скроют.

Власти предержавшие стали такими же психопатами, как и те, за кем они охотились. Им хотелось избавиться от любого, кто не вписывается в истеблишмент. Толстяк заметил, что полицейские смотрят на него со свирепостью цепных псов. Когда чернокожую марксистку Анджелу Дэвис выпустили из тюрьмы округа Марин, полиция перекрыла весь админи-

³ Район Залива – один из крупнейших мегаполисов США, в который входят города Сан-Франциско, Окленд, Сан-Хосе и их пригороды.

стративно-общественный центр города – мол, необходимо воспрепятствовать радикалам в нарушении порядка. Лифты отключили, на дверях повесили фальшивые таблички с ложной информацией, а прокурор округа куда-то исчез.

Толстяк видел все это своими глазами. В тот день он отправился в центр вернуть книгу в библиотеку. Два копа у входа по листику перетрясли книгу и другие бумаги, которые нашлись у Толстяка. Он пришел в недоумение и оставался в этом состоянии весь день. В кафетерии вооруженный полицейский наблюдал за тем, как посетители едят. Толстяк вернулся домой на такси, поскольку побоялся ехать на своей машине, и решил, что окончательно спятил. Он и в самом деле спятил, однако то же самое можно было сказать и об остальных.

По профессии я писатель-фантаст и имею дело с фантазиями. Сама моя жизнь – фантазия. Но Глория Кнудсон все равно лежит в гробу в городе Модесто, штат Калифорния. В моем альбоме есть фотография венков на ее похоронах. Фотография цветная, поэтому хорошо видно, какие венки красивые. На заднем плане припаркован «Фольксваген». Можно разглядеть и то, как я крадусь к «Фольксвагену» прямо посреди заупокойной службы. Я больше не в состоянии выносить все это.

После службы я, бывший муж Глории Боб и несколько его – и ее – печальных друзей пообедали в модном ресторанчике неподалеку от кладбища. Официантка отвела нам место

в углу, поскольку трое из нас смахивали на хиппи, несмотря на костюмы и галстуки. Нам было плевать.

Не помню, о чем шел разговор за столом. Накануне вечером мы с Бобом – я хотел сказать, Боб и Толстяк-Лошадник – ездили в Окленд посмотреть фильм «Паттон». Прямо перед началом заупокойной службы Толстяк впервые в жизни увидел родителей Глории. Как и их покойная дочь, они отличались чрезвычайной вежливостью. Несколько друзей Глории устроились в старомодной, в стиле ранчо, гостиной, вспоминая ту, что связала их между собой. Само собой, на миссис Кнудсон было слишком много косметики; женщины всегда чрезмерно красятся, когда кто-то умирает.

Толстяк гладил Председателя Мао – кота покойницы. Он вспомнил те несколько дней, что Глория провела у него, приехав за нембуталом. Когда ложь раскрылась, Глория встретила это известие спокойно, даже безразлично. Если собираешься умереть, мелочи перестают иметь значение.

– Я их взял, – сказал ей Толстяк; еще одна ложь.

Решили поехать на пляж, большой океанский пляж Пойнт-Рейс. Глория села за руль (Толстяку ни на мгновение не пришло в голову, что, поддавшись импульсу, она может угробить и его, и себя, и машину), и часом позже они уже расположились рядышком на песке, покуривая травку.

Больше всего на свете Толстяк хотел понять, почему Глория решила убить себя.

На Глории были стиранные-перестиранные джинсы и фут-

болка со злобной физиономией Мика Джаггера. Поскольку песок был очень мягкий, она сняла туфли. Толстяк обратил внимание, что тщательно обработанные ногти на пальцах ног покрыты розовым лаком. Он подумал, что Глория умирает так же, как и жила.

– Они украли мой банковский счет, – сказала Глория.

Лишь спустя некоторое время, слушая уверенную, ясную речь подруги, Толстяк понял, что никакие «они» не существуют в природе. Глория развернула перед ним панораму тотального, неумолимого безумия, сконструированного с невероятной тщательностью. Она отшлифовала все детали с точностью дантиста. В ее словах нигде не слышалось несоответствия. Никаких пустот в повествовании. Толстяк не мог найти ни единой ошибки, если, конечно, не считать исходного допущения, что все ненавидят Глорию, преследуют, а сама она во всех смыслах никчемна.

Пока Глория говорила, она начала исчезать. Толстяк, как замороженный, наблюдал за этим процессом. Глория логично, рационально, слово за словом выталкивала себя прочь из бытия. Этакая рациональность на службе... ну, подумал он, на службе небытия. Разум Глории превратился в огромный умелый ластик. Осталась лишь оболочка, так сказать, необитаемое тело.

Она уже мертва, понял Толстяк-Лошадник в тот день на пляже.

После того как покурили, они прогуливались по пляжу,

рассуждая о водорослях и высоте волн. Над головами кричали чайки, напоминающие тарелочки-фрисби. Тут и там кто-то сидел или лежал на песке, но по большей части пляж пустовал. Плакаты советовали остерегаться подводного берегового течения. Толстяк все не мог понять, почему Глория просто не войдет в прибой. Он никак не мог включиться в ее логику. Ей был необходим только нембутал – или она считала, что ей необходим нембутал.

– «Workingman's Dead» – мой любимый альбом «Мертвецов»⁴, – вдруг сказала Глория. – Хотя, по-моему, не стоило им оправдывать кокаин. Все-таки рок и дети слушают.

– Они не оправдывают. Просто песня о ком-то, кто принимает кокаин. К тому же это его убивает. Не напрямую, правда, – он попадает под поезд.

– Но из-за них я под села на наркотики, – возразила Глория.

– Из-за «Мертвецов»?

– Из-за того, – сказала Глория, – что все от меня этого ждали. Мне осточертело делать то, чего ждут от меня другие.

– Не надо убивать себя, – сказал Толстяк. – Переезжай ко мне. Я живу совсем один, и ты мне нравишься. В самом деле. Давай хоть попробуем. Мы – я и мои друзья – перевезем твои шмотки. Можно придумать кучу занятий; будем ходить куда-нибудь... ну как сегодня на пляж. Разве тут не классно?

Глория ничего не ответила.

⁴ «Grateful Dead» – «Благодарные мертвецы», американская рок-группа.

– Мне будет жутко хреново, – продолжал Толстяк, – до конца моих дней, если ты с собой покончишь.

Таким образом, как стало ясно Толстяку позже, он привел Глории наименее веские доводы продолжать жить. Это стало бы ее одолжением другим людям. Он не мог найти худшего аргумента, даже если бы искал его годами. Лучше бы уж сразу переехать ее «Фольксвагеном». Вот почему на горячие телефонные линии для самоубийц нельзя сажать кретинов. Толстяк понял это в Ванкувере, когда, готовый покончить с собой, позвонил в Кризисный центр Британской Колумбии и получил квалифицированный совет. Между этим событием и тем, что Толстяк сказал Глории в тот день, нет никакой связи.

Остановившись, чтобы смахнуть маленький камешек со ступни, Глория сказала:

– Мне бы хотелось переночевать у тебя.

При этих словах перед мысленным взором Толстяка невольно промелькнули некие сексуальные видения.

– Я тащусь! – воскликнул Толстяк.

В те годы он частенько выражался в такой манере. Контркультура располагает целым словарем подобных выражений, граничащих с бессмыслицей. Толстяк любил нанизывать их одно на другое. Занялся он этим и сейчас, когда собственная похоть сыграла с ним шутку, заставив поверить, что он только что спас подруге жизнь. Способность Толстяка понимать происходящее, и так не стоившая выеденного яйца,

окончательно достигла нулевой отметки. Как же, хороший человек наконец-то обрел душевное равновесие, и в этом заслуга именно его, Толстяка!

– Врубаюсь! – трещал он, идя с Глорией по пляжу. – Потрясно!

Они провели ту ночь вместе, полностью одетые. Между ними ничего не было, и на следующий день Глория уехала, якобы за вещами в родительский дом в Модесто. Несколько дней Толстяк ждал ее приезда, а потом однажды вечером зазвонил телефон. Звонил Боб, бывший муж Глории.

– Ты сейчас где? – поинтересовался Боб.

Вопрос привел Толстяка в замешательство – он был дома, рядом с телефоном, на кухне. Голос Боба звучал совершенно спокойно.

– Я здесь, – сказал Толстяк.

– Глория сегодня покончила с собой, – сообщил Боб.

У меня есть фотография Глории с Председателем Мао на руках. Она стоит на коленях и улыбается, ее глаза сияют. Председатель Мао норовит вырваться у нее из рук. Слева виден кусочек рождественской елки. На обороте аккуратным почерком миссис Кнудсон написано:

Как благодарна она была нам в ответ на нашу любовь.

Я так и не узнал, написала это миссис Кнудсон до смерти Глории или после. Кнудсоны прислали мне фотографию через месяц – прислали фотографию Толстяку-Лошаднику

через месяц после похорон Глории. Толстяк письмом попросил их прислать ее фото. Сначала он обратился к Бобу, который довольно грубо поинтересовался, зачем ему фотография Глории. Толстяк не знал, что ответить. Когда Толстяк вынудил меня взяться за эти записки, он спросил, с чего, по моему мнению, Боб Лэнгли так взбесился от его просьбы.

Я не знаю. И мне наплевать. Может, Боб догадывался, что Глория и Толстяк провели ночь вместе, и ревновал? Толстяк часто говорил, что Боб Лэнгли шизофреник, и даже утверждал, что сам Боб сообщил ему об этом. У шизоида мыслительному процессу сопутствуют неадекватные эмоции, так называемое уплотнение аффекта.

С другой стороны, Боб после заупокойной службы склонился и положил розу на гроб Глории. Как раз когда Толстяк крался к своему «Фольксвагену». Что более подходило к моменту? Толстяк, рыдающий в одиночестве в припаркованной машине, или бывший муж, склоняющийся над гробом с розой в руке, безмолвный, спокойный, но хоть что-то делающий? Весь вклад Толстяка в похороны свелся к букету, купленному впопыхах по дороге в Модесто. Он преподнес его миссис Кнудсон, которая отметила, что цветы очаровательны. Боб их выкинул.

После похорон, в модном ресторане, где официантка убрала их подальше от глаз, Толстяк спросил у Боба, что делала Глория в Шинаноне, тогда как она собиралась забрать вещи и вернуться в округ Марин, чтобы жить с ним – как

он полагал.

– Поехать в Шинанон ее уговорила Кармина, – ответил Боб. Кармина – это миссис Кнудсон. – Из-за проблем с наркотой.

Тимоти, один из незнакомых Толстяку друзей Глории, заметил:

– Не шибко-то они ей помогли.

Вот что случилось, когда Глория вошла в Шинанон через парадный вход. С ней сразу начали играть в эти их игры. Кто-то из персонала специально прошел мимо Глории, когда та сидела в холле и ожидала приема, и громко отметил, как она уродлива. Следующий объявился, чтобы сообщить, что в ее волосах, похоже, ночевала крыса. Глория всегда была страшно мнительна по поводу своих кудрявых волос; она очень хотела, чтобы они были как и все остальные волосы в мире. Что мог бы сказать третий служащий Шинанона – вопрос спорный, так как к тому времени Глория уже поднялась на одиннадцатый этаж.

– Вот такие у них, значит, в Шинаноне методы? – поинтересовался Толстяк.

Боб сказал:

– Специальная техника, чтобы сломить индивидуальность. Фашистская терапия, которая делает личность полностью открытой и ставит ее в зависимость от группы. А затем они начинают строить новую индивидуальность, не ориентированную на наркотики.

– Они что, не знали, что она склонна к суициду? – спросил Тимоти.

– Конечно знали, – ответил Боб. – Глория звонила им. Они знали ее имя и почему она приехала.

– Ты не говорил с ними после ее смерти? – спросил Толстяк.

Боб ответил:

– Я позвонил и попросил к телефону кого-нибудь из начальства и сказал им, что они убили мою жену, а этот парень ответил, что неплохо бы мне приехать и поучить их, как обращаться с суицидальными типами. Он был ужасно огорчен. Мне даже стало его жалко.

Слушая эти слова, Толстяк решил, что у Боба самого явно не в порядке с головой. Бобу было жалко Шинанон. Он совсем ошизел. Все ошизели, включая Кармину Кнудсон. Во всей Северной Калифорнии не осталось ни одного нормального человека. Пора было куда-то сматываться.

Толстяк ел салат и прикидывал, куда слинять. Вон из страны. Полететь в Канаду, как те, кто бежит от призыва в армию? Толстяк лично знал десятерых, кто предпочел свалить в Канаду, чтобы не воевать во Вьетнаме. Глядишь, и нашлось бы в Ванкувере с полдюжины знакомых.

Ванкувер тогда считали одним из прекраснейших городов мира. Как и Сан-Франциско, это крупный порт. Там можно было бы начать жизнь сначала и забыть о прошлом.

Вдруг в голову Толстяку, пока он возился с салатом, при-

шла мысль: когда Боб позвонил, он сказал не «Глория покончила с собой», а «Глория сегодня покончила с собой», как будто совершенно не сомневался, что раньше или позже она с собой покончит. Может, из-за этого допущения все и случилось? Время Глории было ограничено, как на экзамене по математике. Кто же на самом деле был безумен? Глория, или Толстяк (возможно, Толстяк), или ее бывший муж, или вообще все в районе Залива? Безумны не в переносном, а в прямом смысле? Скажем, один из первых симптомов психоза – это когда человек начинает чувствовать себя психом. Еще одна китайская ловушка. Нельзя думать о ней, не становясь ее частью.

Размышляя о безумии, Толстяк-Лошадник шаг за шагом в него соскальзывал.

Хотелось бы мне ему помочь...

Хотя я ничем не смог помочь Толстяку-Лошаднику, ему удалось избежать смерти. Первая предпосылка к его спасению явилась в образе восемнадцатилетней школьницы, жившей неподалеку от Толстяка на той же улице. Второй стал Господь Бог. Причем школьница справилась лучше.

Я не уверен, что Бог вообще что-то для него сделал; собственно говоря, Бог только усугубил его состояние. В этом мы с Толстяком-Лошадником никак не могли согласиться. Толстяк был уверен, что Бог полностью излечил его. Но это невозможно. В древнекитайской Книге Перемен – И-Цзин – есть строчка, гласящая: «Всегда болен, но никогда не умирает». Как раз о моем приятеле.

Стефани вошла в жизнь Толстяка-Лошадника как дилерша. После смерти Глории он так сильно подсел, что вынужден был покупать наркоту, где только предоставлялась возможность. Правда, покупка наркотиков у старшеклассников – не слишком умное занятие. Тут уже речь идет не о собственно наркоте, а о законе и морали. Только начни покупать наркотики у детей, и ты сразу на заметке. Думаю, понятно почему. Но мне было известно – а властям нет – вот что: Толстяка-Лошадника на самом деле не слишком интересовали наркотики, которые предлагала на продажу Стефани. Она подторговывала гашем и травкой, а не амфетами-

нами. Она не одобряла стимуляторы. Стефани никогда не торговала тем, чего не одобряла. Она никогда не торговала психоделиками, как на нее ни давили. Порой Стефани могла предложить кокаин. Никто не понимал ее логику, и все же некая форма логики у нее имелаась. В привычном смысле слова Стефани вообще не мыслила. Однако она принимала какие-то решения, и, уж когда приняла, никто не мог сдвинуть ее с места. Толстяку она нравилась.

В этом вся суть – Толстяку нравилась Стефани, а не ее наркотики, но, чтобы поддерживать с ней отношения, он вынужден был покупать их. А значит, ему пришлось перейти на гашиш. Для Стефани гашиш был началом и концом жизни. Во всяком случае, жизни, которую стоит жить.

Хоть Бог и явился Толстяку не в лучшее его время, Он, по крайней мере, не делал ничего противозаконного, как Стефани. Толстяк не сомневался, что Стефани закончит тюрьмой; он полагал, что ее могут сцапать в любую минуту. А все друзья Толстяка ожидали, что в любой момент арестуют его. Нас это тревожило, как и его медленное сползание в депрессию, психоз и изоляцию.

Толстяк беспокоился о Стефани. Стефани беспокоили цены на гашиш. Хуже, ее беспокоили цены на кокаин. Мы часто представляли, как она подскакивает на постели среди ночи и восклицает: «Снежок⁵ поднялся до сотни баксов за грамм!» Цены на наркоту волновали ее, как обычных жен-

⁵ Снежок (*жарг.*) – одно из названий кокаина.

щин цена на кофе.

До шестидесятых Стефани просто не могла бы существовать. Наркота вызвала ее к жизни, извлекла из небытия. Стефани была коэффициентом наркоты, частью уравнения. И в то же время именно через нее Толстяк в конце концов пришел к Богу. Не через наркотики; с наркотиками это не имеет ничего общего. Путь к Богу через наркоту – это ложь, которую пытаются толкнуть нам беспринципные мошенники. Стефани привела Толстяка-Лошадника к Богу при помощи маленького глиняного горшка, который она вылепила на своем ножном гончарном круге, том самом круге, что Толстяк помог ей купить к восемнадцатилетию.

Улетая в Канаду, Толстяк забрал горшок с собой – тот лежал в единственном чемодане Толстяка, завернутый в трусы, носки и рубашки.

Выглядел горшок совершенно заурядно – широкий, светло-коричневый, немного голубой глазури по ободку. Стефани была не слишком искусным гончаром.

Неудивительно, что один из ее первых горшков достался Толстяку. У них сложились действительно близкие отношения. Когда Толстяку становилось совсем худо, Стефани успокаивала его при помощи своей трубочки с гашем.

Горшок, однако, обладал одним необычным свойством. В нем дремал Бог. Он дремал в горшке очень долго, так долго, что едва не опоздал. В некоторых религиях бытует теория, что Бог вмешивается в происходящее в одиннадцатом часу.

Может, это и так, не могу сказать. В случае Толстяка-Лошадника Бог ждал до без трех минут двенадцати, и даже тогда того, что Он сделал, едва ли было достаточно, фактически Он вмешался слишком поздно.

Нельзя винить в этом Стефани; получив гончарный круг, она сразу же вылепила горшок, покрыла его глазурью и обожгла. Она сделала все, что в ее силах, чтобы помочь своему другу Толстяку, который, как ранее Глория, начинал умирать. Стефани помогла своему другу тем же способом, которым и тот пытался помочь своему, только у нее получилось лучше. В этом и состояла разница между Толстяком и Стефани. В момент кризиса она знала, что нужно делать. Толстяк не знал. Поэтому сегодня Толстяк жив, а Глория – нет. Друг Толстяка оказался лучше, чем друг Глории. Может, он и хотел, чтобы все случилось по-другому, но выбор был не за ним. Не мы помогаем другим людям, и не по своей воле; это делает Вселенная. Вселенная принимает определенные решения, и на основе ее решений одни люди живут, а другие умирают. Этот закон суров, но все живые существа вынуждены подчиняться ему. Толстяк получил Бога, а Глория Кнудсон – смерть. Не слишком справедливо, и Толстяк первым сказал об этом. Поверим ему.

После встречи с Богом Толстяк развил в себе совершенно ненормальную любовь к Нему. Это совсем не то, что обычно имеют в виду, когда говорят о ком-нибудь: «Он любит Бога». В случае Толстяка то была настоящая жажда. Еще более

странно – Толстяк уверял нас, что Бог причинил ему боль, и при этом он по-прежнему жаждал Бога, как пьяница жаждет спиртного. Бог, говорил нам Толстяк, выстрелил лучом розового света ему прямо в глаза. Толстяк временно ослеп, и у него несколько дней раскалывалась голова. Очень легко, говорил он, описать луч розового света; точь-в-точь как после того, как у вас перед носом разрядят фотовспышку. Толстяку буквально везде мерещился этот розовый свет. Иногда он мельком показывался на экране телевизора. Толстяк жил ради этого света, ради одного его особенного оттенка.

Однако он никак не мог по-настоящему его найти. Никто не в силах воссоздать этот оттенок цвета, кроме Бога. Иными словами, обычный свет не содержит такого оттенка. Однажды Толстяк даже тщательно изучил таблицу видимого спектра. Нужный цвет отсутствовал. Толстяк видел цвет, который не видел больше никто; этот цвет находится вне спектра.

Что идет после света, если говорить о частотах? Тепло? Радиоволны? Мне бы следовало знать, но я не знаю. Толстяк сказал (не знаю, насколько это правда), что в солнечном спектре то, что он видел, было чуть выше семисот миллимикрон; в терминах фраунгоферовых линий сразу за «В» в сторону «А».

Думайте что хотите. Я полагаю, это симптом его сумасшествия. Люди, находящиеся в стадии нервного срыва, часто проводят самые разнообразные исследования с целью най-

ти объяснение своим действиям. Исследования эти, конечно же, заканчиваются провалом.

Подобные исследования провальны, покада имеем к ним отношение мы, но, как ни печально, иногда снабжают фальшивой логикой разрушающийся разум – у Глории, например, появились те самые «они». Однажды я поглядел линии Фраунгофера, и там вообще не оказалось никакого «А». Я смог найти только «В». Спектр идет от «G» к «В», от ультрафиолета к инфракрасному. Вот так. Больше ничего нет. То, что видел Толстяк – или думает, что видел, – не было видимым светом.

Когда он вернулся из Канады – после того, как обрел Бога, – мы много времени проводили вместе, и в одну из наших ночных прогулок (обычное дело, мы постоянно искали приключений), когда я парковал машину, у меня на левой руке неожиданно появилось пятнышко розового цвета. Я знал, что это, хотя и видел такую штуку впервые – кто-то направил на нас луч лазера.

– Это лазер, – сообщил я Толстяку, который тоже его видел: луч гулял повсюду, цепляя телефонные будки и пробегая по цементным стенам гаража.

В дальнем конце улицы стояли два подростка с каким-то квадратным предметом в руках.

– Они сами сделали чертову штуковину, – сказал я.

Мальчишки подошли к нам – улыбки до ушей – и сообщили, что собрали эту штуку из конструктора. Мы выразили

свое восхищение, и они отправились дальше – пугать других.
– Это тот розовый цвет? – спросил я Толстяка.

Он ничего не ответил, но у меня сложилось впечатление, что Толстяк что-то скрывает. Я чувствовал, что видел именно тот самый цвет. Почему Толстяк не сказал мне об этом? Не знаю. Возможно, такое заявление разрушило бы более стройную теорию. Психически неуравновешенные типы не используют принцип Оккама: теория для объяснения данной совокупности фактов должна быть максимально простой. Им подай что повычурней.

По словам Толстяка, суть того, что произошло, когда розовый луч обрушился на него и ослепил, вот в чем: он мгновенно познал то, что никогда не было ему известно. А именно: Толстяк узнал, что у его пятилетнего сына имеется скрытый врожденный дефект, и понял, в чем состоит этот дефект, вплоть до мельчайших анатомических деталей. Фактически вплоть до рекомендаций, которые Толстяк должен был дать врачам.

Я захотел присутствовать при том, как Толстяк будет давать рекомендации. Как объяснит свое знание медицинских тонкостей. Мозг его сохранил информацию, которую вбил в него луч розового цвета, но каким образом Толстяк преподнесет ее?

Позже Толстяк разработал теорию, согласно которой Вселенная создана из информации. Он начал вести дневник; более того, оказывается, он втайне вел дневник уже доволь-

но давно: хитрость ненормального. Первая встреча с Богом описана на страницах дневника его собственной – Толстяка, не Бога – рукой.

Термин «дневник» принадлежит мне, а не Толстяку. Он назвал свои записки «Экзегеза», или «Толкования»; сей теологический термин обозначает некие тексты, объясняющие или истолковывающие определенные фрагменты Библии. Толстяк верил, что информация, которой в него выстрелили и которую потом периодически вбивали в его голову, имеет божественное происхождение, а следовательно, должна рассматриваться как форма Священного Писания. Даже в случае недиагностированного заболевания его сына – правосторонняя паховая грыжа, вызвавшая гидроцеле (водянку яичка) и сопровождающаяся опущением в мошонку.

Эту новость Толстяк и сообщил доктору. Диагноз оказался верным, что подтвердилось, когда бывшая жена Толстяка привела Кристофера на осмотр. Операцию назначили на следующий день, так сказать, не откладывая в долгий ящик. Хирург жизнерадостно сообщил Толстяку и его бывшей жене, что жизнь их сына все эти годы висела на волоске. Мальчик в любой момент мог умереть от сдавливания собственных внутренних органов. Большая удача, сказал хирург, что они обнаружили дефект. Итак, снова «они», правда, в данном случае «они» действительно существовали.

Операция прошла успешно, и вечные капризы и жалобы Кристофера прекратились – он с рождения страдал от боли.

А Толстяк с бывшей женой отдали сына под присмотр другого врача, у которого с глазами все в порядке.

Один из параграфов дневника Толстяка произвел на меня достаточное впечатление, чтобы привести его здесь. Он посвящен не правосторонней паховой грыже, а вещам более общим: крепнущему убеждению Толстяка, что Вселенная представляет собой информацию. Толстяк начал верить в это, потому что Вселенная – его Вселенная – на самом деле очень быстро превращалась в информацию. Как только Бог начал говорить с ним, Он уже больше не останавливался. Не думаю, что о таком упоминается в Библии.

37. Мыслительный процесс Разума воспринимается нами как систематизация и перегруппировка – изменения – в физической Вселенной; но фактически это информация и информационные процессы, которые мы материализовываем. Мы не только воспринимаем мысли как объекты, но скорее как перемещение, или, точнее, размещение объектов: то, как они связаны между собой. Однако мы не можем понять модель этого размещения; мы не можем извлечь из него информацию, следовательно, это и есть сама информация. Изменение Разумом связей между объектами, по сути, является языком, но языком, отличающимся от обычного (поскольку он адресован сам себе, а не кому- или чему-либо вне).

Толстяк рассуждал на эту тему снова и снова – и в своем дневнике, и в устных дискуссиях с друзьями. Он не сомне-

вался, что Вселенная говорит с ним.

Вот еще одна запись в его дневнике:

36. Мы должны были бы слышать эту информацию, скорее даже повествование, как некий нейтральный голос внутри нас. Но что-то пошло не так. Все сущее есть язык и ничего, кроме языка, который мы по какой-то необъяснимой причине не способны ни прочесть в окружающем, ни услышать внутри себя. Поэтому я говорю: мы превратились в идиотов. Что-то произошло с нашим рассудком, с нашей способностью понимать. Мои умозаключения таковы: расположение частей Разума в определенном порядке есть язык. Мы часть Разума, следовательно – мы тоже язык. Почему в таком случае мы не сознаем этого? Мы не знаем даже, кто мы есть, не говоря уже о внешней реальности, частью которой являемся. Слово «идиот» происходит от слова «частный». Каждый из нас стал частником и не разделяет больше общего мышления Разума, кроме как на подсознательном уровне. Таким образом, управление нашей реальной жизнью извне и ее цель остаются за пределами нашего сознания.

Лично у меня появляется искушение ответить на это: «Говори за себя».

В течение долгого периода времени («Безбрежная пустыня Вечности», как он сам назвал это) Толстяк разработал множество оригинальных теорий для объяснения своих контактов с Богом и полученной при этом информации.

Одна из теорий особенно заинтересовала меня – она отличалась от остальных. Теория подводила итог некоей ментальной капитуляции, которую претерпевал Толстяк. Теория гласила, что в реальности он вообще ничего не испытывает. Участки его мозга избирательно стимулируются узкими энергетическими лучами, испускаемыми из источника, расположенного очень далеко, возможно, за миллионы миль. Избирательная стимуляция участков мозга генерирует в его сознании *впечатления*, что он на самом деле видит и слышит слова, картины, фигуры людей, отпечатанные страницы книг; короче – Бога и Божье Послание, или, как любил называть это Толстяк, – Логос. Однако, гласила эта оригинальная теория, на самом деле он только представляет себе, что переживает все эти вещи. Они напоминали голограммы.

Особенно меня поразило, как Толстяк в своем безумии замысловатым образом смог отделить себя от своих галлюцинаций. При помощи рассудка он сумел вывести себя из безумной игры, продолжая при этом наслаждаться ее звуками и картинками.

В сущности, Толстяк больше не заявлял, будто то, что он переживает, имеет место в действительности. Означало ли это, что Толстяк пошел на поправку? Едва ли. Теперь он придерживался мнения, что «они» – или Бог, или кто-то – испускают очень узкий, насыщенный информацией энергетический луч дальнего действия, сфокусированный на его голове. Так что улучшения в его состоянии я не отметил, хотя

изменения были налицо. Теперь Толстяк мог с чистой совестью не брать в расчет свои галлюцинации, что означало, что он признает их за таковые. Но как и у Глории, у Толстяка появились «они». На мой взгляд, пиррова победа. Меня осенило, что жизнь Толстяка – длинный и скучный перечень таких побед. Примером может служить способ, каким он пытался спасти Глорию.

«Экзегеза», над которой месяц за месяцем корпел Толстяк, тоже казалась мне пирровой победой, если вообще может идти речь о какой-то победе – в данном случае загнанный в угол разум пытался объяснить необъяснимое. Наверное, здесь и кроется причина душевной болезни: происходят необъяснимые события, ваша жизнь превращается во вместилище ложных флуктуаций того, что прежде было реальностью. Более того – словно и этого мало, – вы, подобно Толстяку, бесконечно размышляете об этих флуктуациях, пытаетесь логически упорядочить их, тогда как единственный возможный в них смысл тот, что вы навязываете им в своем желании привести все к узнаваемым формам и процессам. В начале болезни вы в первую очередь лишаетесь того, что близко и знакомо вам. То, что приходит взамен, – уже плохие новости, поскольку вы не в состоянии не только понять их, но и рассказать о них другим людям. Сумасшедший испытывает что-то, но что это и откуда взялось, ему неизвестно.

Посреди разрушений ментального ландшафта, которые можно проследить до исходной точки – смерти Глории Кнуд-

сон, Толстяк вообразил, что Бог излечил его. Как только начинаешь замечать пирровы победы, они сыплются, словно из рога изобилия.

Это напоминает мне об одной знакомой девушке. Она умирала от рака. Я навестил ее в больнице и не узнал; девушка сидела на кровати, похожая на лысого старика. От химиотерапии она раздулась, как огромная виноградина, из-за рака и лечения практически ослепла, почти совсем оглохла и с ней постоянно случались припадки.

Я наклонился к ней, чтобы справиться о самочувствии, и девушка ответила – когда смогла понять мой вопрос:

– Я чувствую, как Господь излечивает меня.

Она была склонна к религиозности и собиралась постричься в монахини. На металлической подставке рядом с кроватью она положила – или кто-то положил – четки. По моему мнению, плакат с надписью «Пошел ты, Господи!» был бы куда уместнее.

И все же, если честно, я вынужден был признать, что Бог – или кто-то, именующий себя Богом (различие чисто семантическое), – выстрелил в голову Толстяка ценной информацией, благодаря которой была спасена жизнь его сына Кристофера. Одних Бог излечивает, других лишает жизни. Толстяк оспаривает тот факт, что Бог кого бы то ни было убил. Толстяк говорит, что Бог никогда никому не причиняет зла. Болезни, боль и незаслуженные страдания исходят не от Бога, а откуда-то еще. На что я возражаю: «Как могло появиться-

ся это “где-то еще”? Существуют два бога? Или часть Вселенной неподконтрольна Богу?»

Толстяк часто цитировал Платона. В Платоновой космологии *noûs*, или Разум, по мнению некоторых специалистов, подчиняет себе *ananke*, или слепую силу обстоятельств – или слепой случай. *Noûs* пришел в мир и, к своему удивлению, обнаружил там царство случайности, иными словами. Хаос, который *noûs* и начал приводить к определенному порядку (хотя у Платона нигде не сказано, как это делается). Согласно теории Толстяка, рак моей знакомой представлял собой беспорядок, пока не приведенный в упорядоченное состояние. *Noûs*, или Бог, еще просто не добрался до нее, на что я сказал: «Что ж, когда он добрался, было уже поздно».

Толстяк не опроверг этого – по крайней мере, на словах. Возможно, он увильнул от ответа, чтобы написать об этом. Каждую ночь до четырех утра он царапал что-то в своем дневнике. Полагаю, где-то среди слоев мусора там лежат все тайны Вселенной.

Очень мы любили спровоцировать Толстяка на теологический диспут. Он всегда страшно злился, принимая наши доводы всерьез – да и саму тему. Но теперь совсем ошалел. Мы начинали с невинного замечания вроде: «Знаешь, Бог сегодня дал мне билет на метро». Толстяк тут же ввязывался в драку. Мы вовсю развлекались, доводя его до белого каления; мучая его таким образом, мы получали огромное удовольствие. Особенно приятно было, расходясь по домам,

осознавать, что Толстяк тотчас запишет все в свой дневник. Само собой, в дневнике он разбивал наши доводы в пух и прах.

Вовсе не было нужды задавать Толстяку праздные вопросы вроде: «Способен ли Бог создать такую широкую канаву, которую сам не в состоянии перепрыгнуть?» Хватало вопросов вполне реальных.

Наш приятель Кевин всегда начинал одинаково. «Как насчет моей кошки?» – спрашивал он. Несколько лет назад Кевин вышел вечером прогуляться со своей кошкой. Кевин, болван, не взял кошку на поводок, та выскочила на дорогу и тут же угодила прямехонько под переднее колесо первой же машины. Когда он притащил то, что осталось от кошки, домой, она была еще жива, пускала кровавые пузыри и смотрела на Кевина глазами, полными ужаса.

Кевин любил говорить:

– Когда настанет Судный день и я предстану перед Великим Судией, я скажу: «Погодите-ка минутку», – а потом вытащу из-за пазухи свою мертвую кошку. «Как вы объясните *это?*» – спрошу я его.

К тому времени, любил говаривать Кевин, кошка окоченеет как сковородка, и он возьмет ее за ручку – ее хвост – и будет ждать удовлетворительного ответа.

Толстяк сказал:

– Ни один ответ не удовлетворит тебя.

– Ни один *твой* ответ, – хмыкнул Кевин. – Ладно, Бог спас

жизнь твоего сына, но почему Он не задержал мою кошку на пяток секунд? На *три* секунды? Что Ему стоило? Ну конечно, что Ему до какой-то там кошки?

– Послушай, Кевин, – вмешался однажды я, – тебе стоило бы взять кошку на поводок.

– Не в этом дело, – заметил Толстяк. – У него пунктик. Тревожный симптом. Для Кевина кошка – символ всего, что он не понимает в этом мире.

– Я прекрасно все понимаю, – заявил Кевин с горечью. – Я просто думаю, что все это чушь собачья. Бог или беспомощен, или туп, или Ему насрать. Или все вместе. Он злобный, тупой и слабый. Надо бы мне завести свою экзегезу.

– Но с тобой ведь Бог не говорит, – сказал я.

– Знаешь, кто говорит с Лошадником? – прошипел Кевин. – Кто на самом деле говорит с Лошадником среди ночи? Обитатели планеты Тупиц. Толстяк, как ты там называл Премудрость Господню? Святое – что?

– Агия София, – ласково ответил Лошадник.

– Как ты говоришь? – озлобился Кевин. – Агия Тупица? Святая Тупица?

– Агия Морон. – Лошадник всегда сдавался. – Moron⁶ – это греческое слово, как и Агия. Я это обнаружил, когда искал, что такое оксюморон⁷.

– Не считая того, что суффикс «он» – это окончание сред-

⁶ Moron (англ.) – слабоумный.

⁷ Оксюморон – комическое сочетание противоположных по значению слов.

него рода, — заметил я.

Можете представить, куда нас обычно заводили теологические дискуссии. Три некомпетентные особи, не согласные друг с другом.

А еще был наш друг Дэвид — католик, и девушка, умирающая от рака, — Шерри. Наступила ремиссия, и ее выписали из больницы. Слух и зрение у нее становились все хуже, а в остальном Шерри чувствовала себя неплохо.

Толстяк, само собой, использовал этот аргумент в пользу Бога и Его исцеляющей любви, равно как и Дэвид, и, конечно, Шерри. Кевин считал ремиссию чудом лучевой и химиотерапии и везением. Шерри в любой момент могла снова заболеть. Кевин мрачно предрекал, что в следующий раз никакой ремиссии не наступит. Иной раз нам казалось, что он даже желает этого, поскольку такой исход подтвердил бы его взгляд на Вселенную.

Основой словесных экзерциций Кевина было утверждение, что Вселенная состоит из страдания и ненависти и что она в конце концов прикончит каждого. Он смотрел на Вселенную, как многие смотрят на неоплаченный счет: когда-то да придется платить. Вселенная дает вам жизнь, позволяет порезвиться какое-то время, а потом забирает обратно. Кевин все время ждал, что это произойдет с ним, со мной, с Дэвидом и особенно с Шерри.

Что касается Толстяка-Лошадника, Кевин считал, что задолженность слишком велика. Вселенная уже вовсю затяги-

вает его обратно. Кевин был уверен, что Толстяк мертв не потенциально, а фактически.

У Толстяка хватало здравого смысла не обсуждать смерть Глории Кнудсон в присутствии Кевина. Тот наверняка приплюсовал бы Глорию к своей дохлой кошке. Собрался бы на Страшном суде и ее вытащить из-за пазухи.

Дэвид, будучи католиком, любил сводить все неприятности к проблеме свободы воли. Это раздражало даже меня. Однажды я поинтересовался у Дэвида, заболела ли Шерри раком по собственной свободной воле. Я знал, что Дэвид следит за достижениями психологии и наверняка заявит мне, будто Шерри подсознательно стремилась к болезни и потому отключила иммунную систему. В то время подобные теории были очень популярны. Само собой, Дэвид тут же попался на крючок.

– Тогда почему же она выздоровела? – поинтересовался я. – Она что, подсознательно хотела выздороветь?

Дэвид растерялся. Если болезнь Шерри – следствие работы ее мозга, приходилось признать, что и ремиссия имеет вполне мирское, а вовсе не сверхъестественное происхождение. Бог тут вовсе ни при чем.

– К. С. Льюис⁸ сказал бы... – начал Дэвид.

Толстяк немедленно впал в ярость. Его страшно бесило, когда Дэвид прибегал для защиты своей ортодоксальной за-

⁸ К. С. Льюис (1898–1963) – английский ученый и романист, большая часть его книг посвящена христианской тематике.

шоренности к К. С. Льюису.

– А может, Шерри пересилила Бога? – предположил я. – Бог хотел, чтобы она заболела, а она переборола Его?

Обычным аргументом Дэвида было утверждение, что Шерри заработала рак невротическим путем, поскольку все у нее шло наперекосяк, а Бог вмешался и спас ее. Я же все поставил с ног на голову.

– Нет, – заявил Толстяк. – Все происходило иначе. Как когда Бог излечил меня.

К счастью, Кевина в этот момент не было. Он не считал, что Толстяк-Лошадник излечен (да и никто не считал), и уж точно это сделал не Бог. Рассуждения Кевина основаны на той самой логике, которую развенчивает Фрейд, – автокомпенсационная структура, основанная на двойном предположении. Фрейд рассматривает такую структуру как разоблачение рационализма. Вроде как кого-то обвиняют в краже лошади, а он отвечает: «Я не ворую лошадей, да и лошадь эта никудышная». Если задуматься, можно увидеть стоящий за такими словами мыслительный процесс. Второе заявление не усиливает первое – так только кажется на первый взгляд.

Говоря в терминах наших бесконечных теологических споров, основанных на предполагаемом общении Толстяка с Богом, автокомпенсационная структура, исходящая из двойного предположения, должна была бы выглядеть следующим образом:

- 1) Бога нет;
- 2) и в любом случае Он тупица.

Внимательное изучение циничных разглагольствований Кевина совершенно разоблачает такую структуру. Дэвид постоянно цитировал К. С. Льюиса; Кевин сам себе противоречил в рьяном желании развенчать Бога; Толстяк невнятно пытался пересказать информацию, вбитую в его голову при помощи луча розового света; Шерри, которая ужасно страдала, сипло твердила какую-то набожную чушь. Я же менял взгляды в зависимости от того, с кем в данный момент беседовал.

Никто из нас толком не понимал, в чем дело, зато у всех оказалось полно свободного времени. Эпоха наркотиков закончилась, и у нас должна была появиться новая страсть. Благодаря Толстяку этой страстью стала теология.

Любимое старинное речение Толстяка гласит:

*Могу ли думать, что великий Яхве спит,
Как Шемош и другие сказочные боги?
Ах! Нет. Услышал мысли он мои и записал их...*

Толстяк не любит цитировать окончание:

*Вот что мой разум мучит
И тысячью когтей впивается мне в грудь,
В безумие пытаюсь свергнуть...*

Это из арии Генделя. Мы с Толстяком любили слушать «Серафимовский» гигант с записью Ричарда Льюиса. *Все глубже и глубже...*

Однажды я сказал Толстяку, что другая ария на пластинке точно передает состояние его разума.

– Что еще за ария? – поинтересовался Толстяк.

– «Полное затмение», – ответил я.

*Затмение полное! Ни солнца, ни луны,
Средь бела дня сплошная чернота.
О свет небесный! Жизнерадостных лучей
Не видно, чтоб порадовать мой взор.
Зачем же Ты нарушил Твой закон
И сделал солнце, и луну, и звезды
Сокрытыми от взора моего?!*

На это Толстяк заявил:

– В моем случае все как раз наоборот. Я освещен божественным светом, который изливается на меня из другого мира. Я вижу то, чего не видят другие люди.

В чем-то он был прав.

Вот какой вопрос нам все время приходилось решать в десятилетие наркоты: как сказать кому-то, что ему выжгло мозги? Сейчас такой же вопрос встал перед нами, друзьями Толстяка-Лошадника, погрузившегося в свой теологический мир.

В случае с Толстяком можно было бы запросто связать одно с другим: наркотики, которые он принимал в шестидесятых, в семидесятых сдвинули-таки ему мозги. Если бы я мог заставить себя поверить в это, я так бы и сделал. Я люблю решения, которые отвечают сразу на несколько вопросов.

Все дело в том, что я так не считаю. Толстяк не увлекался психоделиками. Он вообще принимал их всего ничего. Однажды, в шестьдесят четвертом, когда достать сандоксовский ЛСД-25 было легче легкого, особенно в Беркли, Толстяк принял приличную дозу и отправился путешествовать во времени. То ли в прошлое, то ли в будущее, то ли вообще за изнанку. Так или иначе, он заговорил на латыни и пребывал в полной уверенности, что настал *Dies Irae* – День гнева. Он слышал, как приближается Господь, полный ярости.

Восемь часов кряду Толстяк молился и стонал на латыни. Позже он клялся, что в течение всего путешествия во времени он не только думал и говорил по-латыни, он еще нашел книгу с латинскими изречениями и мог читать ее так же лег-

ко, как любую английскую.

В конце концов, может, происхождение его помешательства на почве Бога действительно лежит именно здесь? В 1964-м его мозгу понравилось кислотное путешествие, и он – мозг – записал его, чтобы прокрутить позже.

С другой стороны, такие рассуждения возвращают нас в 1964 год. Насколько мне известно, способность читать, думать и говорить на латыни вовсе не характерна для кислотного прихода. Толстяк не знает латыни. Сейчас он не может связать по-латыни двух слов. Не мог он их связать и до того, как раскумарился хорошей дозой ЛСД-25.

Позже, когда начался его религиозный опыт, Толстяк думал на языке, которого *не понимал* (в шестьдесят четвертом он прекрасно понимал собственную латынь). Ему удалось записать несколько случайно запомненных слов. Для Толстяка они вовсе не ассоциировались ни с каким языком, и он не сразу решился показать кому-нибудь то, что зафиксировал на бумаге. Жена Толстяка – его следующая жена, Бет – прошла в колледже годичный курс греческого и опознала писанину Толстяка как греческий *койне*. Или, по крайней мере, какой-то греческий – или аттический, или койне.

Греческое слово «койне» переводится просто как «общий». Ко времени Нового Завета койне стал самым ходовым языком Ближнего Востока, заменив арамейский, который, в свою очередь, пришел на смену аккадскому. (Я это знаю, потому что я профессиональный писатель и мне просто по-

ложено обладать знаниями о языках.) Манускрипты Нового Завета дошли до нас именно на греческом койне, хотя, возможно, источник, которым пользовались синоптики – апостолы Матфей, Марк и Лука, – был написан на арамейском, который, в свою очередь, является формой иврита.

Иисус говорил на арамейском. Получается, что когда Толстяк-Лошадник начал думать на греческом койне, он думал на языке, который использовали закадычные дружки святой Лука и святой Павел (по крайней мере, для письма).

Письменный койне выглядит забавно, потому что между словами нет пробелов. Это может привести к немалому разнообразию с переводами, поскольку переводчик будет отделять слова друг от друга так, как ему нравится. Возьмем английский пример:

GOD IS NO WHERE
GOD IS NOW HERE⁹

Собственно, мне об этом рассказала Бет, которая не воспринимала религиозный опыт Толстяка всерьез, пока не увидела написанное им на койне. Она знала, что Толстяк не имеет ни малейшего понятия о койне. Толстяк утверждал, что... ну, он много чего утверждал. Я не должен начинать каждое

⁹ В данном английском предложении изменение положения всего лишь одного пробела приводит к радикальному изменению смысла: «Бога нет нигде» и «Бог сейчас здесь».

предложение со слов: «Толстяк утверждал, что».

За годы – годы! – работы над своей экзегезой Толстяк, должно быть, создал не меньше теорий, чем звезд во Вселенной. Каждый день возникала новая – более изощренная, более волнующая и более долбанутая. Главной темой, однако, во всех оставался Бог.

Толстяк отваживался отойти от веры в Бога примерно так же, как собака, которая у меня когда-то была, отваживалась покинуть лужайку перед домом. Он – вернее, они оба делали первый шажок, еще один, потом, возможно, третий, а затем поджимали хвост и опрометью мчались обратно, на привычную территорию.

Толстяку было хуже, чем собаке, он не мог найти обратной дороги.

Надо бы узаконить вот что: если нашел Бога – не упускай Его. Что до Толстяка, тот, обретя Бога (если, конечно, и в самом деле обрел), совершенно обленился. Бог стал для него постоянно убывающим источником радости, вроде упаковки амфетамина, где таблеток остается все меньше и меньше.

Кто имеет дело с Богом? Толстяк знал, что церковь тут не поможет. На всякий случай он попробовал проконсультироваться с одним из священников Дэвида. Не помогло.

Кевин предложил вернуться к наркотикам. Я, человек литературы, порекомендовал Толстяку почитать малоизвестных английских поэтов-метафизиков семнадцатого века, таких как Воэн и Герберт:

*Он знает, что имеет дом, но едва ли знает где.
По его словам, это так далеко,
Что он совершенно забыл туда дорогу.*

Это строки из поэмы Воэна «Человек». Толстяк, похоже, скатился на уровень этих поэтов и, таким образом, стал анахронизмом. Вселенная имеет привычку уничтожать анахронизмы. Я знал, что она уничтожит Толстяка, если тот не приведет себя в порядок.

Мы много предложений сделали Толстяку, однако самой многообещающей можно считать идею Шерри.

В один из самых тяжелых дней Толстяка Шерри, у которой как раз тогда настала ремиссия, сказала ему:

– Чем тебе неплохо бы заняться, так это изучить тактико-технические характеристики Т-34.

Толстяк поинтересовался, что она имеет в виду. Выяснилось, что Шерри как раз читала книгу о вооружении России во Второй мировой войне. Танк Т-34 стал спасением Советского Союза, а значит, и спасением союзных сил, и, как следствие, спасением Толстяка-Лошадника, поскольку, не будь Т-34, Толстяку пришлось бы говорить не по-английски, и не на латыни, и даже не на койне – ему пришлось бы говорить по-немецки!

– Т-34, – объясняла Шерри, – были очень быстрыми. Под Курском они раздолбали даже поршевских «элефантов». А что они сотворили с Четвертой танковой армией!

Тут она начала излагать ситуацию под Курском в 1943 году, да еще с цифрами. Мы были просто потрясены.

– Чтобы переломить ход сражения, пришлось вмешаться самому Жукову, – хрипела Шерри. – Ватутин облажался. Его потом убили пронацистские партизаны. А теперь гляньте, какие у немцев были «тигры» и «пантеры».

Она показала нам фотографии немецких танков и проинформировала о том, как генерал Конев двадцать шестого марта успешно форсировал Днестр и Прут.

Суть идеи Шерри состояла в том, чтобы повернуть мозги Толстяка от космического и абстрактного к частному и конкретному. Она посчитала, что нет ничего более реального, чем мощный советский танк времен Второй мировой. Шерри надеялась, что Т-34 станет противоядием для безумия Толстяка.

Ничего не вышло. Все ее объяснения, карты и фотографии напомнили Толстяку о ночи, когда они с Бобом пошли смотреть фильм «Паттон» накануне похорон Глории. Шерри, само собой, об этом не знала.

– А может, Толстяку заняться шитьем? – предположил Кевин. – У тебя ведь есть швейная машинка, Шерри. Научи его.

Шерри продемонстрировала, что степень ее упрямства достаточно высока.

– В танковом сражении под Курском, – продолжала она, – участвовали четыре тысячи боевых машин. Это была величайшая механизированная битва в истории. Все знают о Ста-

линграде, но никто не знает о Курске. Настоящая победа Советского Союза произошла под Курском. Если взять...

– Кевин, – прервал ее Дэвид, – мне кажется, немцы должны были показать русским мертвую кошку и попросить их объяснить ее смерть.

– Это остановило бы русских, – подтвердил я. – Жуков и по сей день пытался бы разобраться с причинами кошкиной смерти.

Шерри обратилась к Кевину:

– Говоря о великой победе правых сил под Курском, как можно думать о какой-то там кошке?

– В Библии что-то есть о падающих воробьях, – возразил Кевин. – И о том, что Он не спускает с них глаз. Беда только в том, что у Бога, видимо, всего один глаз.

– По-твоему, сражение под Курском выиграл Бог? – спросил я Шерри. – Вот удивились бы русские! Особенно те, кто строил танки, вел их в бой и кого убили в этом бою.

Шерри терпеливо пояснила:

– Для Бога мы инструменты, при помощи которых Он действует.

– Ладно, – сказал Кевин. – В случае Лошадника Богу достался бракованный инструмент. А может, они оба бракованные. Вроде как восьмидесятилетняя старушка за рулем «Пинто», а у того бензобак пробит.

– Немцы должны были показать русским мертвую кошку Кевина, – сказал Толстяк. – Не какую-то там любую мертвую

кошку. Кевина беспокоит только эта, конкретная кошка.

– Этой кошки, – возразил Кевин, – и в природе не было во время Второй мировой.

– Ты горевал по ней? – осведомился Толстяк.

– Как я мог горевать? Ее ведь тогда не было.

– То есть она пребывала в том же состоянии, что и сейчас, – констатировал Толстяк.

– Неправильно, – обиделся Кевин.

– В каком смысле неправильно? – спросил Толстяк. – Чем ее несуществование сейчас отличается от ее несуществования тогда?

– Ну, теперь у Кевина есть ее труп, – заметил Дэвид. – Есть за что цепляться. В этом вся суть кошкиного существования. Она появилась на свет, чтобы стать трупом, при помощи которого Кевин смог бы отрицать милость Божию.

– Кевин, а кто создал твою кошку? – спросил Лошадник.

– Бог создал, – ответил Кевин.

– По твоей логике выходит, что Бог создал отрицание своих собственных добрых качеств, – отметила Шерри.

– Бог туп, – сказал Кевин, – и божественность Его тупа. Я всегда это говорил.

Шерри спросила:

– А много нужно умения, чтобы создать кошку?

– Нужны всего лишь две другие кошки. Самец и самка, – сказал Кевин. Однако он уже начал понимать, куда его заманили. – Нужно... – Он ухмыльнулся. – Ладно, нужно умение,

если говорить о целях бытия.

– Ты не видишь целей? – удивилась Шерри.

Поразмыслив, Кевин согласился:

– У живых существ есть цели.

– А кто вложил в них эти цели? – не унималась Шерри.

– Они... – Кевин помедлил. – Они сами и есть эти цели.

Живых существ нельзя отделить от их целей.

– Выходит, животное – это выражение цели, – сказала Шерри. – Значит, у бытия есть цель.

– Только местами.

– Отсутствие цели порождает цель.

Кевин окинул ее взглядом.

– Чтоб ты провалилась! – сказал он.

Я полагаю, что циничный подход Кевина сделал гораздо больше для подтверждения Лошадникова безумия, чем любой другой единичный фактор, – ну, не считая, конечно, самой причины этого сумасшествия, какой бы она ни была. Кевин непреднамеренно стал инструментом в руках неведомых сил, и Толстяк это понимал.

Кевин не мог предложить достойной альтернативы заболеванию Толстяка. Его циничная ухмылка была в некотором роде оскалом самой Смерти – этаким ухмыляющийся череп. Кевин жил, чтобы доказать никчемность жизни. Меня всегда поражало, что Толстяк при всем при этом продолжает общаться с Кевином, но позже я понял почему. Всякий раз,

как Кевин обрушивался на заблуждения Толстяка – высмеивал и пародировал их, – Лошадник становился сильнее.

Насмешки являлись единственным противоядием для безумия Толстяка, и он под их градом чувствовал себя только лучше. Толстяк понимал это, как бы далеко ни унесло его крышу. Да что там, это прекрасно понимал и Кевин, однако контур обратной связи в голове вынуждал его продолжать нападки снова и снова.

Так что нападки усиливались, а Толстяк становился все сильнее. Очень похоже на греческий миф.

В своей экзегезе Толстяк вновь и вновь возвращался к этой теме. Он верил, что прожилки иррационального пронизывают всю Вселенную, вплоть до Бога или Высшего Разума, стоящего за ней.

Толстяк писал:

38. От потерь и несчастий Разум становится безумным. Следовательно, и мы, как части Вселенной и, соответственно, Разума, частично безумны.

Очевидно, что Толстяк экстраполировал свое личное горе – потерю Глории – до космических масштабов.

35. Разум говорит не с нами, но посредством нас. Его повествование течет сквозь нас, и его горе напивает нас иррациональным. Как утверждал Платон, Мировая Душа пронизана иррациональным.

В параграфе 32 об этом еще больше:

32. Смена информации, которую мы воспринимаем как окружающий мир, есть разворачивающееся повествование. Оно рассказывает нам о смерти женщины (курсив мой). Эта женщина, умершая давным-давно, была одной из изначальных близнецов, одной из половин божественной сизигии. Цель повествования – раздумья о ней и ее смерти. Разум не хочет забыть ее. Таким образом, размышления Разума состоят в постоянном свидетельстве ее существования и, прочитанные, могут быть поняты только так. Вся информация, произведенная Разумом и воспринимаемая нами как расстановка и перестановка физических объектов, – попытка сохранения ее; камни, скалы, палки и амебы – ее следы. Память о ее существовании и уходе записана на самом низком уровне физического бытия. Записана страдающим разумом, который остался один.

Если после прочтения вы не поймете, что Толстяк пишет о себе, – вы ничего не поняли.

С другой стороны, я не отрицаю того факта, что Толстяк окончательно и бесповоротно свихнулся. Это началось после звонка Глории, и с тех пор он и остался сумасшедшим. Со всем не похоже на Шерри с ее раком. У Толстяка не было ремиссии. Обретение Бога нельзя назвать ремиссией. Впрочем, возможно, и ухудшения не наступало, что бы там ни говорил циничный Кевин. Нельзя сказать, что общение с Богом для психического заболевания то же самое, что смерть

для рака, – логические последствия разрушительной болезни прогрессируют. Технический термин для этого – теологический технический термин, не психиатрический – «теофания».

Теофания состоит в самораскрытии божественного. Не в чем-то, что делает перцепиент; она состоит в том, что творит божественное – Бог, или боги, или высшая сила. Моисей не сотворял пылающий куст, Илия на горе Хорив не производил гром и ураган.

Как, с точки зрения перцепиента, отличить теофанию от обычной галлюцинации? Если голос говорит ему что-то, чего он не знает и *не может знать*, разве это не влияние извне? Толстяк никогда не знал койне, это доказывает что-нибудь? Он ничего не знал о врожденном заболевании сына – по крайней мере, сознательно. Возможно, подсознательно он знал о существовании паховой грыжи и просто не хотел смотреть правде в глаза. Существует, собственно, и механизм, посредством которого Толстяк мог знать койне – филогенетическая память; Юнг называет это коллективным или расовым бессознательным. Онтогения, то есть индивидуальное, суммирует в себе филогению, коллективное, и тогда можно обосновать знание Толстяком языка, на котором говорили две тысячи лет назад. Если в глубинах мозга индивидуума существует филогенетическая память, все обстоит именно так. Однако концепция Юнга – всего лишь догадка, никто не доказал ее.

Допуская существование божественного, нельзя отрицать силу самораскрытия; очевидно, что любое существование, достойное называться божественным, должно обладать этой способностью. Настоящий вопрос (в моем понимании) не «почему теофания?», а «почему она случается так редко?». Единственная концепция, объясняющая это, – идея *deus absconditus*, тайного, скрытого или неизвестного Бога. Юнг почему-то рассматривает теофанию как общеизвестное, чтобы не сказать обычное, дело. Но если Бог существует, Он должен быть *deus absconditus* – за исключением редких теофаний. В противном случае Он не существует вовсе. В последней точке зрения больше смысла, если не учитывать теофаний, поскольку они редки.

Для опровержения требуется лишь одна-единственная абсолютно доказанная теофания.

Впечатление, произведенное теофанией на перцепиента, нельзя считать доказательством ее реальности. То же касается и группового восприятия (по словам Спинозы, вся Вселенная может быть одной теофанией, но тогда Вселенная может и вовсе не существовать, о чем говорят буддийские идеалисты). Любая описанная теофания может оказаться фальшивкой, поскольку все может оказаться фальшивкой, будь то почтовые марки, или ископаемые черепа, или черные дыры в космосе.

То, что Вселенная, как мы ее воспринимаем, может оказаться иллюзией, лучше прочих выразил Гераклит. Если вы

опираетесь на его утверждение или просто сомневаетесь в глубине души, вы готовы столкнуться с вопросом о существовании Бога.

«Необходимо иметь понимание (*noûs*), чтобы быть способным интерпретировать свидетельства глаз и ушей. Шаг от очевидного к скрытой правде подобен переводу манеры выражаться с языка, чужого для большинства людей. Гераклит... во *Фрагменте 56* утверждает, будто люди в том, что касается знания воспринимаемых ими вещей, «обманываются, подобно Гомеру»¹⁰. Дабы понять происходящее, необходимо интерпретировать, разгадывать головоломку... но хотя и кажется, что человек способен на такое, большинство людей никогда этого не делают. Гераклит неистово нападает на глупость обыкновенных людей и на то, что среди них считается знанием. Он сравнивает их со спящими в своих маленьких частных мирах».

Так говорит Эдвард Хасси, преподаватель античной философии Оксфордского университета и член совета Колледжа всех душ, в книге «Досократова философия», изданной Чарлзом Скрибнером в Нью-Йорке в 1972 году.

Никогда в прочитанном мной – я имею в виду, в прочитанном Толстяком-Лошадником – не встречалось более значительного взгляда на природу вещей.

Во *Фрагменте 123* Гераклит говорит: «Природа любит

¹⁰ Здесь и далее фрагменты Гераклита даны в переводе с древнегреческого М. Дынника.

скрываться». А во Фрагменте 54 – «Скрытая гармония лучше явной».

Эдвард Хасси добавляет к этому: «Следовательно, он [Гераклит] согласен, что реальность в какой-то мере скрыта».

А если реальность «в какой-то мере скрыта», что означает «теофания»? Ведь теофания есть вторжение Бога, вторжение, заполняющее наш мир. С другой стороны, наш мир только кажется нам, он лишь «явная гармония», подчиненная «скрытой гармонии».

Толстяк-Лошадник хотел бы, чтобы вы порассуждали над этим. Если Гераклит прав, то фактически не существует другой реальности, помимо теофании. В таком случае все остальное является иллюзией и Толстяк единственный среди нас говорит правду. Однако Толстяк свихнулся после звонка Глории.

Сумасшедшие – с психологической, а не с юридической точки зрения – не соприкасаются с реальностью. Толстяк-Лошадник сумасшедший, следовательно, он не соприкасается с реальностью. Параграф 30 его экзегезы гласит:

30. Мира явлений не существует, это гипостазис информации, произведенной Разумом.

35. Разум говорит не с нами, но посредством нас. Его повествование течет сквозь нас, и его горе напивает нас иррациональным. Как утверждал Платон, Мировая Душа пронизана иррациональным.

Другими словами, сама Вселенная, равно как и Разум,

стоящий за ней, безумна. Следовательно, тот, кто соприкасается с реальностью, по определению соприкасается с безумием, иррациональное напитывает его.

Короче, Толстяк проверил свой собственный разум и обнаружил отклонения. Затем посредством этого дефектного разума он проверил внешнюю реальность, называемую макрокосмом. Там он тоже обнаружил неполадки. По утверждению философов-герметиков, макрокосм и микрокосм полностью отражают друг друга. Толстяк, используя неисправный инструмент, изучил неисправный объект и сделал вывод, что неисправно вообще все.

Вдобавок ко всему из этой ситуации не было никакого выхода. Взаимосвязь между неисправным инструментом и неисправным объектом создала еще одну китайскую ловушку. Толстяк заблудился в собственном лабиринте, подобно Дедалу, который построил для царя Миноса лабиринт на Крите, вошел в него и не мог выбраться наружу. Возможно, Дедал и по сей день там, равно как и все мы.

Единственное различие между нами и Толстяком-Лошадником состоит в том, что Толстяк осознает свое положение, а мы нет. Следовательно, Толстяк безумен, а мы – нет.

«Спящие в маленьких частных мирах», – говорит Хаси, а он должен знать – как-никак величайший из живущих специалист по древнегреческой мысли. Ну, может, за исключением Фрэнсиса Корнфорда. По словам Корнфорда, Платон верил в то, что «Мировая Душа пронизана иррациональ-

НЫМ»¹¹.

Из лабиринта нет выхода. Лабиринт меняется, пока вы пробираетесь по нему, потому что он живой.

Парсифаль: Я двинулся совсем немного, а оказался так далеко.

Гурнеманц: Вот видишь, сын мой, здесь время превращается в пространство.

(Весь ландшафт становится расплывчатым. Лес отступает, и на его месте появляется скала, сквозь которую видны ворота. Двое минуют ворота. Что случилось с лесом? Два человека не двигались с места, они никуда не шли и все же оказались совсем в другом месте. Здесь *время превращается в пространство*. Вагнер начал писать «Парсифаля» в 1845 году. Он умер в 1873-м, задолго до того, как Герман Минковский в 1908 году постулировал четырехмерное пространство-время. Корни «Парсифаля» лежат в кельтских легендах и вагнеровском изучении буддизма для так и не написанной оперы о Будде под условным названием «Победители» («*Die Sieger*»). Откуда Вагнер узнал, что время способно превращаться в пространство?)

И если время способно превращаться в пространство, способно ли пространство превращаться во время?

В книге «Миф и реальность» Мирчи Элиаде есть глава, которая называется «Время можно преодолеть». Преодоле-

¹¹ «Космология Платона, Тимеи Платона», Библиотека свободных искусств, Нью-Йорк, 1937 г. (Прим. авт.)

ние времени – основная цель мистических и сакральных ритуалов. Толстяк-Лошадник заговорил на языке, бывшем в ходу две тысячи лет назад, на языке, на котором писал святой Павел.

Здесь время превращается в пространство.

Толстяк рассказал мне и еще об одном случае встречи с Богом. Однажды весь ландшафт Калифорнии 1974 года растаял, а вместо него проявился Рим первого века нашей эры. Какое-то время Толстяк видел оба пейзажа. Это было вроде эффекта наложения в кино. Или на фотографии. Почему? Как? Бог многое объяснил Толстяку, здесь же ограничился одним утверждением. Он в дневнике под номером 3:

3. Он заставляет нас видеть вещи другими, поэтому нам кажется, что прошло время.

Кто «он»? Должны ли мы считать, что на самом деле время не прошло? И вообще оно когда-нибудь проходит? Было ли когда-либо реальное время, а значит, и реальный мир? А сейчас, стало быть, время фальшивое и мир поддельный? Как пузырь, который остается неизменным, а нам кажется, что он меняется?

Толстяк-Лошадник нашел этому объяснение и занес его в свой дневник, или экзегезу, или как там он его называл, под номером 4:

4. Материя пластична перед лицом Разума.

Существует ли вообще какой-либо реальный мир? По всему выходит, что Парсифаль и Гурнеманц стояли неподвижно, а ландшафт вокруг них менялся, поэтому они и оказались в другом пространстве – пространстве, которое первоначально воспринималось ими как время. Толстяк думал на языке двухтысячелетней давности и видел Древний мир, соответствующий этому языку. Внутреннее содержание его разума подошло к восприятию Толстяком окружающего мира.

Некая логика тут налицо. Имело место нарушение работы времени? Тогда почему его жена Бет не испытала того же? Она ведь жила с Толстяком, когда он встретился с божественным. Для нее ничего не изменилось, разве что (как она сказала мне) Бет стала слышать странные хлопающие звуки, словно в результате неизвестной перегрузки взрывались какие-то объекты. Как будто эти объекты накачивали, накачивали чрезмерным количеством энергии.

И Толстяк, и его жена рассказали мне и кое-что еще о тех мартовских днях 1974 года. Их домашние животные претерпели неожиданную метаморфозу. Они стали более умными и миролюбивыми. Пока не погибли от опухоли мозга.

Толстяк с женой рассказали мне о своих животных нечто, что навсегда засело у меня в памяти: животные пытались общаться с Толстяком и Бет, пытались использовать язык. Это нельзя списать на психоз Толстяка, как и их гибель.

Первое, что, по словам Толстяка, пошло не так, было свя-

зано с радио. Однажды ночью, слушая приемник – Толстяка тогда совсем замучила бессонница, – он обнаружил, что радио произносит ужасные вещи, такого на радио просто не может быть. Бет крепко спала и ничего не слышала.

Так что, возможно, это мозги Толстяка пошли вразнос, и с тех пор его разум стал разрушаться со все возрастающей скоростью.

Психическое заболевание не слишком-то веселая штука.

Вследствие театральных попыток самоубийства при помощи таблеток, бритвенного лезвия и выхлопных газов, принятых Толстяком после того, как Бет, забрав с собой Кристофера, оставила его, Лошадник оказался в психиатрической лечебнице графства Ориндж. Вооруженный полицейский отвез его на инвалидной коляске по подземному коридору из реанимации напрямик в психиатрическое крыло.

Толстяка никогда раньше не сажали под замок. После приема сорока девяти таблеток дигиталиса он несколько дней страдал от мерцательной аритмии, так как его попытки увенчались сильнейшим отравлением наперстянкой, определяемым по шкале цифрой «три». Дигиталис Толстяку прописали, чтобы бороться с аритмией, но не такой, какая случилась с ним после отравления.

Есть некая ирония в том, что передозировка дигиталиса вызывает ту самую аритмию, бороться с которой он предназначен. В какой-то момент, когда Толстяк лежал на больничной койке и смотрел на экран медицинского монитора, он увидел там прямую линию – его сердце остановилось. Толстяк продолжал смотреть, и в конце концов на мониторе появились всплески. Бесконечна милость Божия.

Итак, совершенно ослабевший, под присмотром вооруженного охранника Толстяк прибыл в психиатрическое от-

деление и вскоре уже сидел в прокуренном коридоре и трясся от слабости и страха. Следующую ночь он провел на больничной койке, которых в палате было шесть, и обнаружил, что койка оборудована кожаными наручниками. Через открытую дверь в коридор персонал мог наблюдать за пациентами, а Толстяку со своей койки было видно, что идет по телевизору.

В гости к программе Джонни Карстона пришел Сэмми Дэвис-младший. Толстяк лежал и думал, каково это, когда у тебя один глаз стеклянный. В тот момент он не совсем понимал, что с ним происходит. Толстяк сознавал, что пережил отравление дигиталисом, сознавал, что находится под арестом после попыток самоубийства. Толстяк не знал, где была Бет, пока он лежал в палате интенсивной терапии. Она не позвонила и не пришла навестить его. Первой пришла Шерри, потом Дэвид. Остальные были не в курсе. Толстяк особенно не хотел, чтобы слухи дошли до Кевина, что дало бы пищу его циничным умозаключениям. Толстяк не был готов к цинизму, пусть и добродушному.

Главный кардиолог Медицинского центра графства Ориндж продемонстрировал Толстяка группе студентов-медиков из университета Ирвина – МЦГО был учебной базой. Каждый из студентов хотел послушать, как бьется сердце после сорока девяти таблеток дигиталиса.

Еще Толстяк потерял немало крови из-за пореза на левом запястье. Но что в первую очередь спасло ему жизнь, так это

неисправность дроссельной заслонки автомобиля. Заслонка не полностью открылась, машина перегрелась, и двигатель заглох. Толстяк тогда кое-как добрался до дома и лег в постель, чтобы умереть. На следующее утро он проснулся, обнаружил, что все еще жив, и начал выблевывать дигиталис. Это второе, что спасло его. Третьими оказались все парамедики на свете, которые высадили стекло и вышибли раздвижные алюминиевые двери черного хода. Дело в том, что перед этим Толстяк позвонил в аптеку, чтобы пополнить запасы либриума, который был ему прописан. Он принял тридцать таблеток либриума непосредственно перед дигиталисом. Аптекарь позвонил парамедикам. Можно много говорить о бесконечной милости Божией, но иной раз сообразительность хорошего аптекаря стоит большего.

После ночи в приемном покое психиатрического отделения Толстяку пришлось вынести целый консилиум. Толпа хорошо одетых мужчин и женщин с планшетами в руках окружила пациента, и каждый из них принялся тщательно изучать его.

Толстяк, как только мог, пытался казаться вменяемым. Он делал все, дабы убедить врачей, что с его мозгами все в порядке. Но вскоре понял, что никто ему не верит. С равным успехом он мог бы общаться с врачами на суахили. В результате Толстяк добился лишь унижения и потери остатков собственного достоинства.

«Да хрен с ним!» – в конце концов решил Толстяк и за-

молчал.

– Выйдите, – сказал один из психиатров. – Мы сообщим вам свое заключение.

– Я уже получил урок, – сказал Толстяк, направляясь к выходу. – Самоубийство являет собой интроекцию враждебности, которую следовало бы направить на человека, который расстроил вас. Я долго размышлял в палате интенсивной терапии, или как там ее, и понял: в моем разрушительном поступке проявили себя годы самопожертвования и самоотречения. Однако что меня поразило, так это мудрость тела – оно не только знало, что должно защитить себя от мозга, но и знало, как сделать это. Теперь я понял, что утверждение Йетса «Я есть бессмертная душа, привязанная к телу умирающего животного» диаметрально противоречит действительному положению вещей, касающихся человека.

Психиатр сказал:

– Мы поговорим с вами после того, как вынесем заключение.

Толстяк ответил:

– Я скучаю по сыну.

Никто не взглянул на него.

– Я боялся, что Бет причинит ему вред, – сказал Толстяк.

То была единственная правда, произнесенная им в этой комнате. Он пытался убить себя не потому, что Бет оставила его, а потому, что после ее отъезда не мог присматривать за маленьким сыном.

Потом Толстяк сидел в коридоре на кушетке из пластика и хрома и слушал рассказ какой-то толстой старухи о том, как ее муж пытался разделаться с ней, закачивая газ под дверь старухиной спальни. Толстяк думал о своей жене. Он не думал о том, что видел Бога. Он не говорил себе: «Я одно из немногих человеческих существ, кто в самом деле видел Бога». Вместо этого он вспомнил о Стефани, что сделала для него маленький глиняный горшочек, который Толстяк назвал О-Хо, потому что горшочек казался ему похожим на китайский.

Интересно, думал Толстяк, подсела ли Стефани на героин или ее посадили под замок, как сейчас его? А может, она умерла, или вышла замуж, или живет в заснеженном Вашингтоне? Стефани без умолку болтала о штате Вашингтон, где она никогда не была, но куда всю жизнь мечтала попасть. Все это могло случиться со Стефани... а могло и не случиться. Любопытно, что бы сказала Стефани, увидь она его сейчас взаперти – жена с сыном уехали, дроссельная заслонка сломалась – и с выжженными мозгами.

Не будь мозги Толстяка выжжены, он бы сейчас думал о том, какая удача остаться в живых – удача не в философском смысле, а в статистическом. Никто не выживает после сорока девяти таблеток высококачественного дигиталиса. Как правило, достаточно превысить предписанную дозу всего лишь вдвое. Толстяку прописали четыре таблетки в день, он превысил дозу в 12,25 раза и остался жив. Если рассматривать

дело с практической точки зрения, бесконечная милость Божия тут вообще ни при чем, ведь вдобавок Толстяк принял весь свой либриум, двадцать таблеток квиды и шестьдесят – апресолена, влив сверху полбутылки вина. Из медикаментов в доме осталась только бутылочка «Нервина Майлса». Технически Толстяк был мертв.

Он был мертв и духовно.

Он узрел Бога то ли слишком рано, то ли слишком поздно. Так или иначе, в смысле выживания это ничего ему не дало. Встреча с Богом не добавила выносливости к страданиям, с которыми вполне справляются большинство людей, такой милости не удостоенных.

Хотя необходимо отметить – и Кевин отметил, – что Толстяк совершил кое-что еще вдобавок к тому, что узрел Бога. Кевин как-то позвонил Толстяку в возбуждении от еще одной книги Мирчи Элиаде.

– Послушай, знаешь, что говорит Элиаде о «магическом времени» австралийских аборигенов? Он считает, что антропологи ошибаются, утверждая, что «магическое время» подразумевает прошлое. Элиаде полагает, что это другой вид времени, которое идет сейчас, а аборигены умеют проникать туда, к героям и их подвигам. Погоди, я тебе зачитаю. – Тишина. – Блин! – сказал затем Кевин. – Не могу найти. Короче, готовясь к этому, они претерпевают страшную боль, таков их ритуал инициации. Ты тоже терпел боль, когда получал свой опыт; у тебя резался зуб мудрости, и ты, – Кевин

понизил голос, прежде он кричал, – боялся, что за тобой охотятся власти.

– На меня нашло помутнение, – ответил Толстяк. – Никто за мной не охотился.

– Но ты думал, что охотятся. Ты был так перепуган, что спать не мог! Ночь за ночью. У тебя был сенсорный голод!

– Я просто лежал в кровати и не мог заснуть.

– Ты начал видеть цвета. Меняющиеся цвета. – В возбуждении Кевин опять сорвался на крик; когда отступал цинизм, Кевин становился сущим маньяком. – Это описано в тибетской Книге мертвых, путешествие в соседний мир! Ты духовно умирал от стресса и страха! Вот как оно происходит – проникновение в другую реальность! «Магическое время»!

И сейчас Толстяк сидел на кушетке из пластика и хрома и духовно умирал. Фактически он уже был духовно мертв, и в соседней комнате эксперты решали его судьбу, вынося приговор тому, что осталось от Толстяка. Это правильно, что квалифицированные не-психи судят психов. А как иначе?

– Раз они могли попадать в «магическое время», – кричал Кевин, – то это единственное реальное время, все реальные события происходят в «магическом времени»! Это деяния богов!

Огромная толстая старуха рядом с Толстяком нагнулась над пластиковым бачком, куда норовила сблевать торазин, которым ее лечили. Она знает, переведя дыхание, шепнула старуха Толстяку, что торазин отравлен ее мужем; тот, про-

никнув на верхние этажи больницы, собирается прикончить ее.

– Ты нашел путь в высший уровень, – вещал Кевин. – Разве не это ты пишешь в своем дневнике?

48. Есть два уровня, верхний и нижний. Верхний уровень, происходящий из гипервселенной I, или Ян, – Первая форма Парменида, чувственный и волевой. Нижний уровень, или Инь, – Вторая форма Парменида, уровень механический, управляемый чем-то слепым, детерминистическим и лишенным разума, поскольку происходит из мертвого источника. В древние времена это называли астральным детерминизмом. Мы заключены в нижнем уровне, однако посредством таинств и при помощи плазматов можем вырваться оттуда. Пока не разрушен астральный детерминизм, мы даже и не подозреваем о нем, настолько мы закрыты. «Империя бессмертна».

Мимо Толстяка и толстой старухи прошла хорошенькая миниатюрная темноволосая девушка с туфлями в руках. Во время завтрака она пыталась этими туфлями разбить окно, а потерпев неудачу, вырубил шестифутового чернокожего санитара. Теперь весь ее облик излучал умиротворение.

«Империя бессмертна», – процитировал про себя Толстяк. Эта фраза снова и снова появлялась в его экзегезе; стала своего рода красной нитью. Фраза явилась ему в замечательном сне. В этом сне Толстяк был ребенком и рыскал по пыльным букинистическим лавкам в поисках старых на-

учно-фантастических журналов, особенно «Поразительных историй», где мечтал найти бесценный сериал под названием «Империя бессмертна». Толстяк знал, что, если найдет сериал и прочтет его, он будет знать все на свете – в этом заключалась суть сна.

Прежде, когда Толстяк наблюдал взаимопроникновение двух миров и видел не только Калифорнию 1974 года, но и Древний Рим, он наблюдал в этом взаимопроникновении одну общую структуру, присутствующую в обоих мирах, – Черную Железную Тюрьму. Именно она именовалась в его сне Империей. Толстяк был уверен в этом, потому что, как только увидел Черную Железную Тюрьму, сразу узнал ее. В ней были заключены все, не осознавая того. Черная Железная Тюрьма являлась их миром.

Кто построил тюрьму и зачем – Толстяк не знал. Хотя кое о чем догадывался: тюрьму пытались разрушить. Организация христиан – не обычных христиан, тех, что каждое воскресенье посещают церковь и молятся, а тайных ранних христиан в серых балахонах – с энергией и воодушевлением начала осаду тюрьмы.

Толстяк в своем безумии понимал: на сей раз тайные ранние христиане в серых балахонах должны взять тюрьму, а не *найти обходной* путь. Деяния героев в священном «магическом времени» – согласно аборигенам, единственном реальном времени – были реальными.

Однажды Толстяк наткнулся в дешевом научно-фантасти-

ческом романе на точное описание Черной Железной Тюрьмы, только она находилась в далеком будущем. Поэтому если наложить прошлое (Древний Рим) на настоящее (Калифорнию двадцатого века), а сверху добавить мир далекого будущего из романа «Андроид проливал море слез», получается Империя, или Черная Железная Тюрьма, в форме супер- или транстемпоральной постоянной. Каждый из когда-либо живших был в буквальном смысле окружен железными стенами тюрьмы; ничего не подозревая, они находились внутри. Все, кроме тайных ранних христиан в серых балахонах.

Таким образом, тайные ранние христиане становились тоже супер- или транстемпоральными, то есть существующими во всех временах одновременно. Этого Толстяк не мог понять. Как они могут быть ранними и существовать в настоящем и будущем? И если они существуют в настоящем, почему никто не может их видеть?

С другой стороны, почему никто не может видеть стен Черной Железной Тюрьмы, которые окружают всех, в том числе и самого Толстяка? Почему эти противоположные силы становятся явными, только когда прошлое, настоящее и будущее по неизвестной причине накладываются друг на друга?

Может, в «магическом времени» аборигенов вообще не существует времени? Но если времени не существует, как могли тайные ранние христиане освободиться из Черной Железной Тюрьмы, которую им удалось взорвать? И как они

могли взорвать что-то в Риме семидесятого года от Рождества Христова, если тогда не существовало взрывчатки? И как, если в «магическом времени» нет самого времени, могло завершиться существование тюрьмы?

Толстяку вспомнился знаменательный фрагмент из «Парсифаля»: «Здесь время превращается в пространство». В своем религиозном опыте в марте 1974-го Толстяк наблюдал расширение пространства: медленно и неуклонно, ярд за ярдом, до самых звезд. Было такое впечатление, будто вокруг Толстяка убрали стены. Он чувствовал себя котом, которого вы везли за город в закрытой коробке, а достигнув места назначения, выпустили. Ночью ему снилась бесконечная пустота, но эта пустота была живой. Пустота все расширялась – абсолютная, тотальная пустота, в то же время обладающая индивидуальностью. Пустота выразила удовольствие при виде Толстяка, который во сне не обладал телом. Он, подобно пустоте, просто парил, воспринимая какое-то тихое мурлыканье вроде музыки. При помощи этого мурлыканья пустота общалась с ним.

– Из всех людей, – говорила пустота, – из всех до единого, ты мой самый любимый.

Пустота жаждала объединиться с Толстяком-Лошадником, только с ним из всех когда-либо существовавших людей. Подобно пространству, любовь пустоты была безграничной, пустота и ее любовь заполняли все. Так счастлив Толстяк не был никогда в жизни.

К нему подошел санитар.

– Мы продержим вас здесь четырнадцать дней.

– Мне нельзя пойти домой? – спросил Толстяк.

– Нет, мы считаем, что вы нуждаетесь в лечении. Вы еще не готовы отправиться домой.

– Зачитайте мне мои права, – сказал Толстяк. Он был ошеломлен и испуган.

– Мы можем держать вас четырнадцать дней без постановления суда. После этого, если так решит суд и мы сочтем необходимым, можем продержать еще девяносто дней.

Толстяк знал: если он скажет хоть слово, его запрут на девяносто дней. Поэтому он ничего не сказал. Когда сходишь с ума, быстро учишься вести себя тихо.

Свихнуться и попасться на этом – значит почти наверняка отправиться за решетку. Теперь Толстяк это знал. Кроме лечебницы для алкоголиков в графстве Ориндж имелся и сумасшедший дом. Именно сюда и угодил сейчас Толстяк, причем не исключено, что надолго. Тем временем Бет наверняка забирала все, что хотела, из их дома и перевозила на новую квартиру. Она отказалась сказать Толстяку адрес, не назвала даже город.

На самом деле, хотя Толстяк не знал тогда об этом, в результате его неосмотрительности он задолжал за дом, за машину, перестал оплачивать счета за электричество и телефон. От Бет, расстроенной физическим и душевным состоянием бывшего мужа, трудно было ожидать, что она возьмет

на себя решение созданных им проблем. Поэтому когда Толстяк вернулся из больницы, он обнаружил холодильник в луже воды, полное отсутствие машины и извещение: его лишили права выкупа дома. При попытке позвонить кому-нибудь и попросить помощи Толстяк услышал в телефонной трубке мертвую тишину. Это окончательно добило его. Впрочем, он понимал: сам виноват, такова его карма.

Однако в тот момент Толстяк ничего подобного не подозревал. Он знал только, что просидит под замком по меньшей мере две недели. Еще кое-что ему рассказали другие пациенты: за эти две недели графство Ориндж выставит ему счет. Сумма, включая оплату за услуги палаты интенсивной терапии, превышала две тысячи долларов.

Толстяка отвезли в больницу графства, поскольку денег на частную клинику у него не было. Теперь он на собственной шкуре почувствовал, что быть сумасшедшим еще и стоит немалых денег — помимо того, что тебя держат взаперти. За сумасшествие тебе выставят счет, а если ты не хочешь или не можешь платить, подадут в суд, а если не выполнишь решение суда, то за оскорбление этого самого суда сядешь за решетку.

Если вспомнить, что попытка самоубийства Толстяка происходила из глубокого отчаяния, прелесть его нынешнего положения как-то исчезает. Рядом с ним на кушетке из пластика и хрома толстая старуха продолжала сблевывать свои таблетки в пластиковый бачок, заботливо предоставленный

администрацией. Подошедший санитар взял Толстяка под локоть, чтобы отвести в отделение, где ему предстояло провести две недели. Это отделение называлось Северным. Толстяк покорно последовал за санитаром из приемного отделения в Северное, где за ним снова защелкнули замок.

«Вот гадство!» – сказал себе Толстяк.

Санитар сопровождал Толстяка в палату – вместо шести коек там стояли две кровати, – а потом в маленькую комнатку для опроса. «Всего пару минут», – сказал санитар.

В маленькой комнатке находилась девушка-мексиканка, коренастая, с грубой темной кожей и огромными глазами. Невероятно темными и добрыми глазами: они были словно два огненных озера. Толстяк остановился как вкопанный, увидев эти пылающие, добрые, огромные глаза.

Девушка держала в руках журнал и показывала напечатанную картинку, изображающую Царствие Небесное. Журнал, как понял Толстяк, назывался «Сторожевая башня». Девушка, улыбающаяся Лошаднику, была свидетелем Иеговы.

Мягким, тихим голосом она сказала Толстяку (не санитару):

– Господь наш приготовил для нас место без боли и страха. Видите? Животные мирно возлежат вместе, лев и ягненок, как должны возлежать и мы, все мы, друзья, возлюбившие друг друга, не зная ни страдания, ни смерти, на веки вечные с Господом нашим Иеговой, который любит нас и никогда не оставит, что бы мы ни делали.

– Дебби, пожалуйста, покинь помещение, – попросил санитар.

По-прежнему улыбаясь Толстяку, девушка показала на грубо нарисованных корову и ягненка:

– Все твари, все люди, все живые создания, большие и малые, будут нежиться в тепле любви Иеговы, когда приидет Царствие. Вы думаете, это еще не скоро, но Иисус Христос уже сегодня с нами.

Закрыв журнал, девушка с улыбкой вышла из комнатки.

– Извините, – сказал санитар.

– Ни фиги себе, – потрясенно пробормотал Толстяк.

– Она вас расстроила? Простите. Ей запрещают читать подобную литературу; наверное, кто-то подсунул.

– Все в порядке, – ответил Толстяк. Он был изумлен.

– Давайте запишем ваши данные, – начал санитар, вооружившись планшетом и ручкой. – Дата рождения?

«Ну ты и дурак, – подумал Толстяк. – Долбаный дурак! Бог здесь, в твоём долбаном сумасшедшем доме, а ты и не знаешь. Ты видишь Его, но не ведаешь этого. Бог уже вошел в тебя, а ты и помыслить такого не можешь».

Толстяку стало хорошо.

Он вспомнил девятый параграф своей экзегезы.

9. Он жил давным-давно, но по-прежнему жив.

Он по-прежнему жив, подумал Толстяк. После всего, что произошло. После таблеток, разрезанного запястья, угарного газа. После того, как его посадили под замок. Он по-преж-

нему жив.

Минуло несколько дней, и любимым обитателем психиатрического отделения стал для Толстяка Дуг. Этот крупный молодой гебефреник никогда не надевал нормальной одежды – постоянно ходил в больничной рубаше с открытой спиной. Женщины в отделении мыли, расчесывали и стригли волосы Дуга, поскольку сам он был беспомощен. Дуг не принимал происходящее с ним всерьез, разве что когда пациентов приглашали к завтраку. Каждое утро Дуг встречал Толстяка в ужасе.

– В телевизионной комнате обитают демоны, – говорил он. – Я боюсь заходить туда. Ты их чувствуешь? Я их всегда чувую, когда прохожу мимо.

Когда заказывали завтрак, Дуг написал:

ПОМОИ

– Я заказал помои, – сказал он Толстяку.

– Я заказал грязь, – ответил Толстяк.

В центральном офисе со стеклянными стенами и запертой дверью медперсонал следил за больными и делал записи. Про Толстяка написали, что, когда пациенты играют в карты (это занимало большую часть времени, поскольку никакого лечения не проводилось), Толстяк участия в игре не принимает. Другие пациенты резались в покер и очко, а Толстяк сидел себе в сторонке и читал.

– Почему вы не играете в карты? – спросила санитарка по имени Пенни.

– Покер и очко не карточные игры, а денежные, – ответил Толстяк, опуская книгу. – Поскольку нам здесь не разрешено иметь деньги, в игре нет смысла.

– Думаю, вам стоило бы играть в карты, – заметила Пенни. Толстяк понял, что ему приказали играть в карты, поэтому они с Дебби стали играть в детские игры вроде «пьяницы». Они играли в «пьяницу» часами, а медперсонал наблюдал из-за стеклянных стен и делал пометки в блокнотах.

Одной из женщин каким-то образом удалось заполучить Библию. Это была единственная Библия на тридцать пять пациентов. Дебби не разрешали читать ее. Однако как-то раз в коридоре, где персонал не мог наблюдать за ними – палаты днем запирались, чтобы пациенты не спали, – Толстяку удалось передать Библию, их общую Библию, Дебби, чтобы та быстро пробежалась по псалмам. Медперсонал знал, что они делают, и санитарам это не нравилось, но когда один из них отправился инспектировать коридор, Дебби уже прогуливалась взад-вперед.

Больные в сумасшедших домах всегда передвигаются с одной и той же скоростью, и никак иначе. Дебби, массивная и коренастая, двигалась медленно, как и Дуг. Толстяк, который всегда гулял с Дугом, подстраивался под его шаг. Беседуя, они час за часом кружили по коридору. Беседы в сумасшедших домах напоминают разговоры на автобусной станции, ибо и на автобусной станции «Грейхаунд» все томятся ожиданием, и в психиатрической лечебнице – особенно

в закрытой психиатрической лечебнице графства – все тоже ждут. Ждут, когда смогут уйти.

В психиатрической лечебнице почти ничего не происходит, все совсем не так, как в романах. Пациенты на самом деле не сопротивляются персоналу, а персонал не убивает пациентов. Люди читают, или смотрят телевизор, или просто сидят и курят, или пытаются подремать на кушетке, или пьют кофе, играют в карты, гуляют, а трижды в день им подают еду. Время измеряют прибытием тележек с едой. К вечеру приходят посетители, они всегда улыбаются. Пациенты психиатрических лечебниц никак не могут взять в толк, почему гости из внешнего мира улыбаются. Для меня это и по сей день загадка.

Медикаменты, обычно называемые пилюлями, с нерегулярными интервалами подают в картонных стаканчиках. Каждый принимает торазин плюс что-нибудь еще. Вам не говорят, чем вас пичкают, и внимательно следят, чтобы пилюли были проглочены. Иногда сестры забывают и обносят пациентов одними и теми же лекарствами по второму разу. Пациенты, само собой, сообщают им, что приняли пилюли десять минут назад, но сестры все равно заставляют их проглотить еще одну порцию. Ошибка обычно обнаруживается в конце дня, однако персонал не желает беседовать с пациентами, в чьей крови циркулирует двойная доза торазина.

Я никогда не встречал пациента, даже среди параноиков, который бы считал, что передозировку делают намеренно.

Совершенно ясно, что медсестры просто тупы. Им слишком сложно запомнить, кто из пациентов есть кто, и найти правильный картонный стаканчик для каждого. Дело еще и в том, что персонал постоянно меняется; одни увольняются, другие приходят на их место. Самое опасное – это когда пациент, подсевший на «Пи-Си-Пи»¹², попадает в психиатрическую лечебницу. Большинство психиатрических клиник норовит передавать любителей «Пи-Си-Пи» полиции, и неспроста. В газетах то и дело появляются сообщения о том, как какой-нибудь любитель «пыли», попавший в психушку, откусил кому-то нос или выцарапал собственные глаза.

Толстяк с этим не столкнулся. Он даже не подозревал, что бывают такие страсти. И все благодаря дальновидности МЦГО, где старались не допустить любителей «ангельской пыли» в Северное отделение. Собственно, Толстяк был обязан МЦГО жизнью (что там какие-то две тысячи), хотя его мозги были слишком выжжены, чтобы он понял это.

Когда Бет получила подробный счет от МЦГО, она поразилась, как много было сделано, чтобы спасти жизнь ее мужа, – список занимал пять страниц. Туда включили даже кислород. Толстяк не знал, что сестры в отделении интенсивной терапии были уверены, что он не выживет. За ним наблюдали постоянно. В отделении без конца звенели сигналы тре-

¹² Фенциклидин, «ангельская пыль», – наркотик, получаемый из транквилизатора для животных, появившийся в начале 1970-х и распространенный преимущественно в США, обладает галлюциногенным эффектом, нарушает координацию движений и мысли.

воги. Это означало, что у кого-то пропали признаки жизни. Толстяк, зафиксированный на своей койке, чувствовал себя так, будто в нескольких ярдах от него находится железнодорожная станция; системы жизнеобеспечения звенели на все голоса.

Для душевнобольных характерно ненавидеть тех, кто им помогает, и любить тех, кто им попустительствует. Толстяк по-прежнему любил Бет и ненавидел МЦГО – лишнее свидетельство того, что ему самое место было в Северном отделении. Когда Бет забрала Кристофера и отправилась куда глаза глядят, она не сомневалась, что Толстяк попытается покончить с собой, он ведь уже пробовал в Канаде. Собственно говоря, Бет собиралась вернуться, как только Толстяк сведет счеты с жизнью. Она сама ему потом об этом сказала. Еще она сказала, что дико разозлилась, узнав, что его попытка не удалась. Когда Толстяк спросил ее, почему она так разъярилась, Бет ответила:

– Ты в очередной раз доказал свою неспособность хоть что-то сделать.

Разница между нормальностью и безумием тоньше лезвия бритвы, острее собачьего клыка. Неуловимей призрака. Возможно, ее вовсе не существует, возможно, она сама призрак.

По иронии судьбы Толстяка засадили в психушку не потому, что он сумасшедший (хотя он был сумасшедшим). Формально причина заключалась в законе о «нанесении себе ущерба». Толстяк создал угрозу собственной жизни, что

могло побудить множество других людей сделать то же самое. Пока Толстяк находился в Северном отделении, с ним провели множество психологических тестов. Он их прошел, и у него хватило ума помалкивать о Боге. Собственно, все тесты Толстяк фальсифицировал.

Убивая время, он без конца рисовал тевтонских рыцарей, которых Александр Невский загнал умирать на лед. Толстяк идентифицировал себя с тяжеловооруженными тевтонскими рыцарями в железных шлемах с бычьими рогами. Каждый рыцарь нес в одной руке огромный щит, в другой – обнаженный меч. На щите Толстяк написал: «*In hoc signo vinces*». Эту надпись Толстяк обнаружил на пачке сигарет, она означала: «Этим знаком ты победишь»¹³. Знак имел форму железного креста.

Любовь Толстяка к Богу превратилась в злость, в мрачную злость. Толстяк представлял себе Кристофера, как тот бежит по поросшему травой полю, полы маленького голубого плаща развеваются. Кристофер все бежал и бежал. Нет сомнений, это бежал сам Толстяк-Лошадник, то, что еще было в нем от ребенка. Бежал от чего-то столь же мрачного, как его злость.

Вдобавок он несколько раз написал: «*Dico per spiritum sanctum. Haec veritas est. Mihi crede et mecum in aeternitate vivebis. Параграф 28*».

То есть: «Я говорю с вами посредством Духа Святого. Это

¹³ По-русски обычно переводится как «Сим победиши».

правда. Уверуйте в меня, и будете жить со мною вечно».

Однажды на плакате с инструкциями, висящем на стене в коридоре, Толстяк написал: *«Ex Deo nascitur, in Jesu mortimur, per spivutum sanctum reviviscimus».*

Дуг спросил Толстяка, что это значит.

– *От Бога мы рождаемся, – перевел Толстяк, – в Иисусе мы умираем, а со Святым Духом возрождаемся.*

– Сидеть тебе здесь девяносто дней, – прокомментировал Дуг.

Как-то раз Толстяк обнаружил объявление, которое его потрясло. В объявлении в порядке убывания важности указывалось то, что запрещается делать. Почти в самом верху было написано:

ЗАПРЕЩЕНО

ВЫНОСИТЬ ПЕПЕЛЬНИЦЫ ИЗ ОТДЕЛЕНИЯ

Ближе к концу списка красовалась надпись:

ЗАПРЕЩЕНО

**ПРОВОДИТЬ ФРОНТАЛЬНУЮ ЛОБОТОМИЮ
БЕЗ ПИСЬМЕННОГО СОГЛАСИЯ ПАЦИЕНТА**

– Правильно писать «перфронтальную», – сказал Дуг и подписал «пер».

– А ты откуда знаешь? – удивился Толстяк.

– Есть два пути, – объяснил Дуг. – Или ты получаешь знание от органов чувств, и тогда оно называется эмпирическим, или оно само появляется в твоей голове, и тогда это

называют *a priori*. Дуг приписал на плакате:

Если я верну пепельницы, могу я получить свою лоботомию?

– Сидеть тебе здесь девяносто дней, – сказал Толстяк.

Снаружи лил дождь. Лил не переставая с тех пор, как Толстяк попал в Северное крыло. Если встать в прачечной на стиральную машину, сквозь зарешеченное оконце можно было увидеть парковку. Люди ставили свои машины и бежали под дождем. Толстяку было приятно, что он находится в тепле Северного отделения.

Доктор Стоун, заведующий отделением, вызвал Толстяка на беседу.

– Когда-нибудь раньше вы пытались покончить с собой? – спросил доктор Стоун.

– Нет, – ответил Толстяк.

В тот момент он просто забыл про Канаду. Ему казалось, что жизнь началась две недели назад, когда ушла Бет.

– Полагаю, – сказал доктор Стоун, – что, попытавшись покончить с собой, вы впервые соприкоснулись с реальностью.

– Может, и так, – ответил Толстяк.

– Я собираюсь дать вам, – продолжал доктор Стоун, открывая черный саквояж, – эликсир Баха. – Он произнес «Бага». – Это органическая вытяжка из определенных цветов, произрастающих в Уэльсе. Доктор Бах бродил по полям и лу-

гам Уэльса, испытывая самые разнообразные душевные муки. И каждый раз срывал разные цветы. Если цветок был выбран правильно, он дрожал в руке доктора Баха. Таким образом доктор Бах подобрал нужную комбинацию цветов, а потом разработал уникальный метод, как сделать из них эликсир. Я настоял его на роме. – Доктор Стоун выставил на стол три бутылочки, потом достал одну побольше и слил в нее содержимое остальных трех. – Принимайте по шесть капель в день. Эликсир Баха не повредит вам, здесь нет токсинов. Эликсир избавит от чувства беспомощности, страха и неспособности действовать. Я полагаю, у вас блоки в трех областях: страх, беспомощность и неспособность к действиям. Вам следовало не пытаться покончить с собой, а просто забрать у жены сына. Закон Калифорнии предписывает оставлять ребенка с отцом до тех пор, пока суд не решит иначе. А потом следовало слегка побить вашу жену свернутой газетой или телефонной книгой.

– Спасибо, – сказал Толстяк и взял бутылочку.

Он понял, что доктор Стоун сумасшедший, но сумасшедший как-то по-хорошему. Доктор Стоун был единственным в Северном отделении, кроме пациентов, кто относился к Толстяку по-человечески.

– В вас слишком много агрессии, – продолжал доктор Стоун. – Я одолжу вам экземпляр «Дао дэ цзин». Вы когда-нибудь читали Лао-цзы?

– Нет, – признался Толстяк.

– Позвольте, я прочту вам отрывок.

И начал читать вслух:

*«Его верх не освещен, его низ не затемнен.
Оно бесконечно и не может быть названо.
Оно снова возвращается к небытию.
И вот называют его формой без форм,
образом без существа.
Поэтому называют его неясным и туманным.
Встречаюсь с ним и не вижу лица его,
следую за ним и не вижу спины его».*

Толстяк вспомнил первый и второй пункты своего дневника и по памяти процитировал их доктору Стоуну:

1. Существует один Разум, но в нем борются два принципа.

2. Разум производит свет, затем тьму; от их взаимодействия образуется время. В конце Разум дает победить свету, время исчезает, и Разум становится совершенным.

– Однако, – возразил доктор Стоун, – если Разум дает победить свету, а тьма исчезает, тогда исчезнет и сама реальность, ведь реальность – это единство Ян и Инь.

– Ян – Первая форма Парменида, – сказал Толстяк. – Инь – Вторая форма. Парменид утверждает, что Второй формы не существует. Есть только Первая форма. Парменид верил в моноистический мир. Люди верят, что существуют обе фор-

мы, но они заблуждаются. Аристотель говорит, что, по утверждению Парменида, Первая форма – это «то, что есть», а Вторая – «то, чего нет». Таким образом, люди введены в заблуждение.

Доктор Стоун внимательно посмотрел на Толстяка.

– Каким источником вы пользовались?

– Эдвард Хасси.

– Он из Оксфорда, – заметил доктор Стоун. – Я учился в Оксфорде. Думаю, Хасси нет равных.

– Вы правы, – согласился Толстяк.

– Что еще скажете? – поинтересовался доктор Стоун.

– Времени не существует. Эта великая тайна была известна Аполлонию Тианскому, Павлу из Тарса, Симону Волхву, Парацельсу, Беме и Бруно. Вселенная сжимается в единую сущность, которая становится совершенной. Нашему восприятию, напротив, кажется, что нарастают беспорядок и хаос. Параграф восемнадцать моей экзегезы гласит:

18. Реальное время закончилось в 70-м году о. э. с падением Храма Иерусалимского. Оно снова началось в 1974 году о. э. Промежуточный период был высококачественной подделкой, интерполяцией, подражающей творению Разума.

– А кто интерполировал? – спросил доктор Стоун.

– Черная Железная Тюрьма, олицетворение Империи. Мне было... мне было открыто... Самое важное из моих открытий – это то, что «Империя бессмертна».

Откинувшись на стуле, доктор Стоун скрестил руки на груди и принялся раскачиваться взад-вперед, ожидая продолжения.

– Это все, что я знаю, – сказал Толстяк, запоздало вспомнив об осторожности.

– То, что вы говорите, очень заинтересовало меня, – промолвил доктор Стоун.

Одно из двух, понял вдруг Толстяк: либо доктор Стоун абсолютно безумен – именно абсолютно, – либо он искусно и профессионально заставил пациента разговориться; он изобразил Толстяка и теперь знал, что абсолютно безумен именно он. Толстяк. А значит, скорее всего, придется Толстяку предстать перед судом и получить свои девяносто дней.

Такое вот печальное открытие.

1. Те, кто согласен с тобой, безумны.

2. Те, кто не согласен с тобой, обладают властью.

Эти два умозаключения мелькнули в мозгу Толстяка, и он решил пойти напролом и поделиться с доктором Стоуном самыми фантастическими записями из своей экзегезы.

– Параграф номер двадцать четыре, – сказал Толстяк. – Подобно спящему семени, как живая информация, плазмат покоился в захороненной библиотеке в Кенобоскионе до...

– Что такое Кенобоскион?

– Наг-Хаммади.

– А, библиотека гностиков, – кивнул доктор Стоун. – Найдена в тысяча девятьсот сорок пятом, но никогда не была

опубликована¹⁴. Живая информация? – Он внимательно посмотрел на Толстяка. – Живая информация, – повторил он. А потом сказал: – Логос.

Толстяк задрожал.

– Да, – произнес доктор Стоун. – Живой информацией, способной к воспроизводству, должен быть Логос.

– Воспроизводящийся не посредством информации, – подхватил Толстяк, – не в информации, а как сама информация. Именно это имел в виду Иисус, говоря о горчичном зерне, что, по его словам, вырастет в большое дерево, в котором птицы смогут вить гнезда.

– Горчичных деревьев не бывает, – возразил доктор Стоун. – Так что Иисус не имел это в виду буквально. Вполне согласуется с Марком – тот утверждал, будто Иисус не хотел, чтобы посторонние знали истину. А вы знаете?

– Иисус предвидел не только свою смерть, но и смерть всех. – Толстяк помедлил. – Гомоплазматов. Это человеческие существа, соединенные с плазматами. Межвидовой симбиоз. Как живая информация, плазмат по оптическому нерву проникает в шишковидное тело мозга человека. Он использует человеческий мозг как женскую особь...

Доктор Стоун заворчал и потянулся.

– ...Где может воспроизвести себя в активной форме, – продолжал Толстяк. – Герметические алхимики теоретиче-

¹⁴ На самом деле переводы всех прочитанных текстов Наг-Хаммади опубликованы. Другое дело, что прочитано пока далеко не все. (*Прим. ред.*)

ски знали это из древних текстов, однако не могли воспроизвести, поскольку не обнаружили спящего плазмата.

– Но вы говорили, что плазмат – Логос – был найден в Наг-Хаммади.

– Да, когда расшифровали записи.

– А вы уверены, что плазмата не было в Кумране? В пятой пещере?

– Ну-у... – неуверенно пробормотал Толстяк.

– Откуда изначально взялся плазмат?

Помолчав, Толстяк произнес:

– Из другой звездной системы.

– Можете назвать ее?

– Сириус.

– Тогда, по-вашему, получается, что догоны Западного Судана являются источником христианства.

– По крайней мере, они использовали символ рыбы, – сказал Толстяк, – для обозначения Номмо, одного из изначальных близнецов.

– Это Первая форма, или Ян.

– Верно, – согласился Толстяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.